

ИВАН ГРОЗНЫЙ

ПОДРОБНАЯ
БИОГРАФИЯ

РУСЛАН
СКРЫННИКОВ

ЛУЧШИЕ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ
БИОГРАФИИ

Лучшие политические биографии

Руслан Скрынников

**Иван Грозный.
Подробная биография**

«Алисторус»

2022

УДК 82-94
ББК 63.3

Скрынников Р. Г.

Иван Грозный. Подробная биография / Р. Г. Скрынников —
«Алисторус», 2022 — (Лучшие политические биографии)

ISBN 978-5-00180-479-6

Царь Иван Грозный – один из самых неоднозначных правителей в российской истории. Талантливый государственный деятель, мудрый реформатор – и кровавый тиран, человек, ввергший свой народ в хаос чудовищных репрессий. Каким же он был, Иван Грозный, первый венчанный царь всея Руси, государь, оказавший ключевое влияние на отечественную историю? Какую роль он сыграл в росте и упадке могущественной державы и в закате династии Рюриковичей? Ответы на эти вопросы предлагает в своей фундаментальной и в то же время увлекательной книге известный историк, ученый с мировым именем Р.Г. Скрынников.

УДК 82-94
ББК 63.3

ISBN 978-5-00180-479-6

© Скрынников Р. Г., 2022
© Алисторус, 2022

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
СМЕРТЬ ОТЦА	6
ПРАВИТЕЛЬНИЦА ЕЛЕНА ГЛИНСКАЯ	11
ИВАНОВО ДЕТСТВО	14
ЦАРСКИЙ ТИТУЛ	19
МЯТЕЖ В МОСКВЕ	23
ПОЧИН	25
ПЕРВАЯ ВОЙНА	29
УЧИТЕЛЬ ЖИЗНИ	31
РЕФОРМЫ	34
ВЗЯТИЕ КАЗАНИ	40
«МЯТЕЖ» В ДУМЕ	43
ИЗБРАННАЯ РАДА	47
АВТОРИТЕТ СИЛЬВЕСТРА	51
ЕРЕСЬ	53
ПРОДОЛЖЕНИЕ РЕФОРМ	56
ВОЙНА ЗА ЛИВОНИЮ	63
ОТСТАВКА АДАШЕВА	67
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Скрынников Руслан Григорьевич Иван Грозный. Подробная биография

ВВЕДЕНИЕ

В XVI в. в истории европейских народов наступили большие перемены. Мир стоял на пороге Нового времени.

Великие географические открытия положили начало мировой торговле. Реформация вписала новую страницу в историю духовного развития мира.

Завоевания турок-османов побудили европейцев искать новые пути на Восток.

Португальцы завязали сношения с Китаем и Японией, испанцы, англичане и французы приступили к завоеванию Америки. Плавание английских кораблей, посланных для открытия северо-восточного пути в Китай, положило начало торговле Англии с Россией через Белое море.

В начале XVI в. территория Русского государства была сравнительно невелика.

Границы проходили в районе Нижнего Новгорода, Рязани, Вязьмы и Чернигова.

Численность населения едва ли превышала 7-9 миллионов человек. Во второй половине столетия из-за разрухи русское население стало покидать насиженные места и переселяться на северные земли – в Поморье и Приуралье, а также в южные степи – «Дикое поле». Подъем городов и торговли продолжался до середины XVI в.

При Иване III русские покончили с татарским игом. Однако на протяжении всего столетия южные пределы страны и даже Москва подвергались нападениям кочевых орд.

Россия значительно отставала от стран Западной Европы. Но ее культура развивалась как часть европейской культуры. Ее успехи в сфере летописания и книгопечатания, литературы, живописи и архитектуры, прикладных искусств были весьма значительны. Национальное сознание переживало подъем. Далекая Московия ощутила ветры европейской Реформации.

Объединение русских земель не привело к немедленному исчезновению традиций и порядков раздробленности. Земли, признавшие власть Москвы, были экономически разобщены. Общество живо ощущало потребность реформировать отжившие институты управления. В России нарождалось самодержавие.

То была трудная и трагическая эпоха. С этой эпохой неразрывно связана личность Ивана IV Васильевича Грозного, первого русского царя. Его фигура издавна привлекала внимание историков и писателей, художников и музыкантов. В глазах одних он был едва ли не самым мудрым правителем средневековой России, в глазах других – подозрительным и жестоким тираном, почти сумасшедшим, проливавшим кровь ни в чем не повинных людей. Едва ли в русской истории найдется другой исторический деятель, который получил бы столь противоречивую оценку у потомков.

Кем же был Грозный и какое влияние оказала его деятельность на исторические судьбы России? При каких исторических обстоятельствах пришлось ему действовать?

В какой мере эпоха сформировала его личность и какую печать на события наложили его характер и пристрастия?

Ответ на все подобные вопросы могут дать только факты. Проследим же за ними терпеливо, со всей возможной тщательностью.

СМЕРТЬ ОТЦА

Дед Грозного Иван III женат был дважды: в первый раз на тверской княжне, а во второй – на византийской царевне Софье (Зое) Палеолог. Трон должен был перейти к представителям старшей линии семьи в лице первенца Ивана и его сына Дмитрия.

Великий князь короновал на царство внука Дмитрия, но потом заточил его в тюрьму, а трон передал сыну от второго брака Василию III. Подобно отцу, Василий III тоже был женат дважды. В первый раз государевы писцы переписали по всей стране дворянских девок-невест, и из полутора тысяч претенденток Василий выбрал Соломонию Сабурову. Брак оказался бездетным, и после 20 лет супружеской жизни Василий III заточил жену в монастырь. Вселенская православная церковь и влиятельные боярские круги не одобрили развод в московской великокняжеской семье. Составленные задним числом летописи утверждали, будто Соломония постриглась в монахини, сама того желая. В действительности великая княгиня противилась разводу всеми силами. В Москве толковали, будто в монастыре Соломония родила сына – законного наследника престола – Юрия Васильевича. Но то были пустые слухи, с помощью которых инокиня пыталась помешать новому браку Василия III.

Второй женой великого князя стала юная литвинка княжна Елена Глинская, не отличавшаяся большой знатностью. Ее предки вели род от знатного татарина, выходца из Золотой Орды.

Союз с Глинской не сулил династических выгод. Но Елена, воспитанная в иноземных обычаях и не похожая на московских боярышень, умела нравиться. Василий был столь увлечен молодой женой, что в угоду ей не побоялся нарушить заветы старины и сбрил бороду.

Московская аристократия не одобрила выбор великого князя, белозерские монахи объявили его брак блудодеянием. Но большей бедой было то, что и второй брак Василия III оказался поначалу бездетным.

Четыре года супруги ждали ребенка, и только на пятом Елена родила сына, нареченного Иваном. Случилось это 25 августа 1530 г. Недоброжелатели бояре шептались, что отец Ивана – фаворит великой княгини. Согласно легенде, во всем царстве в час рождения младенца будто бы разразилась страшная гроза. Гром грянул среди ясного неба и потряс землю до основания. Казанская ханша, узнав о рождении царя, объявила московским гонцам: «Родился у вас царь, а у него двои зубы: одними ему съесть нас (татар), а другими вас». Известно еще много других знамений и пророчеств о рождении Ивана, но все они были сочинены задним числом.

Источники официального происхождения приветствовали рождение наследника как событие, благое для всего православного мира: «Не токмо все Русское царство, но и повсюду все православнии възрадовашася, вси православнии во всех концах вселенныя радости исполнишася». Прошло время, и церковные писатели выступили с пророчествами по поводу того, что царь Иван освободит от ига неверных колыбель и столицу мирового православия – Константинополь – «город на семи холмах». Русский род, провозглашала «Степенная книга царского родословия», победит измаильтян «и седьмахолмого примут... и в нем воцарятся».

Прогнозы по поводу будущей славы царя и его потомков были слишком оптимистичны. Давно появились признаки того, что московская династия клонится к закату.

Потомки «старого Игоря», киевского князя варяжского происхождения, в течение семи столетий женились в своем кругу. Московские Рюриковичи выбирали невест из семей тверских, рязанских князей и других Рюриковичей. Иван IV получил от предков тяжелую наследственность. В его жилах кроме варяжской и славянской текла кровь императорского рода Палеологов из Византии, татар из Орды и литовских князей.

Появились признаки вырождения царской семьи. Младший брат Ивана IV князь Юрий был глухонемым идиотом. Сын Ивана Федор страдал слабоумием, а другой сын, Дмитрий, был

поражен с младенческих лет «черным недугом», или эпилепсией, которая рано или поздно свела бы его в могилу.

Василий III был несказанно рад рождению первенца. Со всей семьей он отправился в Троице-Сергиев монастырь. В обитель были приглашены самые известные своей святой жизнью старцы. Первым из них был Кассиан Босой, инок Иосифо-Волоколамского монастыря. Он достиг преклонных лет и едва передвигался. Его «яко младенца привезоша» в Троицу, а во время церемонии крещения поддерживали под руки.

Восприемниками княжича стали также игумен Даниил, призванный из Троицкого монастыря в Переяславле-Залесском, и Иев Курцов, инок Троице-Сергиева монастыря. Наследник был назван именем Иван в честь Иоанна Крестителя и в честь деда Ивана III. После церемонии крещения великий князь поднял младенца на руки и перенес на гробницу Сергия Радонежского, как бы вверяя его покровительству самого славного московского подвижника.

Рождение у Василия и Елены Глинской первенца – Ивана принесло в великокняжескую семью обычные заботы и радости. Когда Василию случалось покидать Москву без семьи, он слал «жене Олене» нетерпеливые письма, повелевая сообщать, здоров ли «Иван-сын» и что кушает. Ото дня ко дню Елена уведомляла мужа, как «покречел» младенец и как явилось на шее у него «место высоко да крепко». Ивану едва исполнилось три года, когда отец его заболел и умер.

Характер взаимоотношений великого князя с окружавшей его знатью никогда прежде не проявлялся так ярко, как в момент болезни и смерти Василия III. Завещание великого князя не сохранилось, и мы не знаем в точности, какова была его последняя воля. В Воскресенской летописи 1542 г. читаем, что Василий III благословил «на государство» сына Ивана и вручил ему «скипетр Великой Руси», а жене приказал держать государство «под сыном» до его возмужания. При Грозном, в 50-х годах, летописцы стали утверждать, будто великий князь вручил скипетр не сыну, а жене, которую считал мудрой и мужественной, с сердцем, исполненным «великого царского разума». Иван IV любил свою мать, и в его глазах имя ее окружено было особым ореолом. Неудивительно, что царские летописи рисовали Елену законной преемницей Василия III. Со временем летописная традиция трансформировалась, и Елена превратилась в носительницу идей централизованного государства, защитницу его политики, твердо противостоявшей проискам реакционного боярства.

Если от придворных летописей мы обратимся к неофициальным свидетельствам, то история прихода к власти Глинской предстанет перед нами в ином освещении.

Осведомленный псковский летописец отметил, что Василий III «приказал великое княжение сыну своему большому Ивану и нарече его сам при своем животе великим князем и приказал его беречи до пятнадцати лет своим бояром немногим». Из псковского источника следует, что Василий III наделил регентскими функциями не жену Елену и не Боярскую думу в целом, а немногочисленную боярскую комиссию, у которой Глинская затем незаконно отняла власть.

Какая же версия верна – московская придворная или псковская неофициальная? Ответ на этот вопрос заключен в самых ранних летописях, составленных очевидцем последних дней Василия III. ...Великий князь смертельно занемог на осенней охоте под Волоколамском. Услышав от врача, что положение его безнадежно, Василий III велел доставить из столицы завещание. Гонцы привезли духовную грамоту, «от великой княгини крыющеся».

Когда больного доставили в Москву, во дворце начались бесконечные совещания об «устроенье земском». На совещаниях присутствовали советники и бояре. Но ни разу великий князь не пригласил «жену Олену». Объяснение с ней он откладывал до самой последней минуты. Когда наступил кризис и больному осталось жить считанные часы, советники стали «притужать» его послать за великой княгиней и благословить ее. Вот когда Елену пустили наконец к постели умирающего. Горько рыдая, молодая женщина обратилась к мужу с вопро-

сом о своей участи: «Государь великий князь! На кого меня оставляешь и кому, государь, детей приказываешь?» Василий отвечал кратко, но выразительно: «Благословил я сына своего Ивана государством и великим княжением, а тебе есми написал в духовной своей грамоте, как в прежних духовных грамотех отцов наших и прародителей по достоянию, как прежним великим княгиням».

Елена хорошо уразумела слова мужа. Вдовы московских государей получали «по достоянию» вдовый удел. Так издавна повелось среди потомков Калиты. Елена плакала. «Жалостно было тогда видеть ее слезы, рыдания», – печально завершает очевидец свой рассказ.

Слова московского автора подтверждают достоверность псковской версии. Великий князь передал управление боярам, а не великой княгине. Василию III перевалило за 50, Елена была лет на 25 моложе. Муж никогда не советовался с женой о своих делах. Красноречивым свидетельством тому служила их переписка. Перед кончиной Василий III не посвятил великую княгиню в свои планы. Он не доверял молодости жены, мало надеялся на ее благоразумие и житейский опыт. Но еще большее значение имело другое обстоятельство. Вековые обычаи не допускали участия женщин в делах управления. Если бы великий князь вверил жене государство, он нарушил бы древние московские традиции.

Сведения о передаче власти боярам получили различное истолкование. Одни историки предположили, что Василий III образовал при малолетнем сыне регентский совет. По мнению других, монарх поручил государственные дела всей Боярской думе, а опекунами назначил двух удельных князей – Бельского и Глинского.

Обратимся к источникам. Перелистав тексты завещаний – «душевных грамот» московских государей, мы можем убедиться в том, что ответственность за выполнение своей последней воли великие князья неизменно возлагали на трех-четыре душеприказчиков из числа самых близких бояр. Так же поступил смертельно занемогший Василий III. Для утверждения завещания он пригласил в качестве душеприказчиков своего младшего брата – удельного князя Андрея Старицкого, трех бояр (самого авторитетного из руководителей Боярской думы князя Василия Шуйского, ближнего советника Михаила Юрьева и Михаила Воронцова) и некоторых других советников, не имевших высших думных чинов. В нарушение традиции великий князь решил ввести в опекунский совет Михаила Глинского, который был чужеземцем в глазах природной русской знати и из двадцати лет, прожитых в России, тринадцать провел в тюрьме как государственный преступник.

Решительность, опыт и энергия Глинского позволяли Василию III надеяться, что он оградит безопасность родной племянницы Елены Глинской. Убеждая советников, Василий III указывал на родство Глинского с великой княгиней, «что ему в родстве по жене его». У постели больного произошел политический торг. Бояре соглашались выполнить волю государя, но настаивали на включении в число опекунов-душеприказчиков своих родственников. Василий III принял их условия.

Круг опекунов расширился: Василий Шуйский добился назначения брата боярина Ивана Шуйского, а Михаил Юрьев – двоюродного дяди боярина Михаила Тучкова. Царь поручил правление «немногим боярам», гласит псковское известие. Теперь мы можем точно определить их число. Василий III вверил дела особой боярской комиссии, возглавленной удельным князем. В нее входили некоторые «ближние люди» (например, сын боярский Иван Шигона), не имевшие высшего думного чина. Но главенствовали в комиссии семь лиц – князь Старицкий и шестеро бояр.

«Седьмочисленный» опекунский совет был, по существу, одной из комиссий Боярской думы. Назначение Шуйских определялось тем, что добрая половина членов думы (двое Шуйских, двое Горбатовых, Андрей Ростовский, дворецкий Иван Кубенский-Ярославский) представляла коренную суздальскую знать. Из старомосковских родов боярский чин имели трое Моро-

зовых, Воронцов и Юрьев-Захарьин. Но они занимали низшее положение по сравнению с княжеской знатью.

Опекунский совет был составлен из авторитетных бояр, представлявших наиболее могущественные аристократические семьи России. В 1533 г. в состав думы входили примерно 11-12 бояр. Большая часть их вошла в регентский совет.

По давней традиции великий князь, покидая Москву, оставлял «царствующий град» в ведении боярской комиссии. Возможно, московскую боярскую комиссию и опекунский совет 1533 г. можно рассматривать как своего рода протечку семибоярщины периода Смуты. Во второй половине XVI в. московская комиссия не менее десяти раз брала на себя управление «царствующим градом» в отсутствие государя. Численность ее колебалась. В шести случаях она насчитывала семь бояр, в других случаях – от трех до шести лиц.

Василий III не помышлял о том, чтобы уничтожить значение Боярской думы. На последнее прощание он пригласил к себе князей Дмитрия Бельского с братьями, князей Шуйских с Горбатыми и «всех бояр». Умиравший заклинал думцев: «Вы, брате, постоите крепко, чтоб мой сын учинился на государстве государь и чтобы была в земле правда». Отпустив думу, Василий III оставил у себя до глубокой ночи двух самых доверенных советников – Михаила Юрьева-Захарьина и Ивана Шигону, к которым присоединился Михаил Глинский. Им он отдал последние распоряжения, касавшиеся его семейных дел: «...приказав о своей великой княгине Елене, како ей без него быти, как к ней бояром ходити...».

После почти тридцати лет управления государством Василий III сосредоточил в своих руках огромную власть. Современники не даром бранили великого князя за то, что он решает все дела с несколькими ближайшими советниками – «сам-третьей у постели» – без совета с Боярской думой. Последнее совещание у постели умирающего подтверждало основательность подобных обвинений. Как видно, великий князь рассчитывал сохранить сложившийся порядок вещей, учредив особый опекунский совет. Среди ближних людей даже Михаил Юрьев далеко уступал по знатности и официальному положению главным боярам думы. Что касается Ивана Шигоны, то он возвысился всецело по милости государя и не мог претендовать на высокий думный чин. Введя этих лиц в круг своих душеприказчиков, Василий III надеялся с их помощью оградить трон от покушений со стороны могущественной аристократии.

Разделение Боярской думы на части и противопоставление семибоярщины прочей думе должно было ограничить ее влияние на дела управления. Со временем семибоярщина выродилась в орган боярской олигархии. Но в момент своего учреждения она была сконструирована как правительственная комиссия, призванная предотвратить ослабление центральной власти. Избранные советники должны были управлять страной и опекать великокняжескую семью в течение двенадцати лет, пока наследник не достигнет совершеннолетия.

После смерти Василия III бразды правления перешли в руки назначенных им опекунов. По словам очевидцев, находившихся в Москве до лета 1534 г., старшими воеводами, которые безотлучно находятся на Москве, являются боярин Василий Шуйский, Михаил Глинский, Михаил Захарьин с Михаилом Тучковым и Иван Шигона, тогда как первые бояре думы князь Дмитрий Бельский с Федором Мстиславским «ничего не справуют», их посылают из столицы с ратными людьми, «где будет потреба». Стараниями опекунов трехлетний Иван был коронован без всякого промедления, несколько дней спустя после кончины отца. Верные бояре спешили предупредить мятеж удельного князя Юрия Ивановича. В течение двадцати пяти лет Юрий примерялся к роли наследника бездетного Василия III. После рождения наследника в великокняжеской семье удельный князь, видимо, не отказался от своих честолюбивых планов. Опекуны опасались, что Юрий попытается согнать с трона малолетнего племянника. Чтобы предотвратить смуту, они захватили Юрия и бросили его в темницу. Удельный государь жил в заточении три года и умер «страдальческою смертью, гладкою нужею». Иначе говоря, его уморили голодом.

Передача власти в руки опекунов вызвала недовольство Боярской думы. Между душеприказчиками Василия III и руководителями думы сложились напряженные отношения. Польские агенты живо изобразили положение дел в Москве после кончины Василия III: «Бояре там едва не режут друг друга ножами; источник распрей – то обстоятельство, что всеми делами заправляют лица, назначенные великим князем; главные бояре – князья Бельский и Овчина – старше опекунов по положению, но ничего не решают».

Князь Иван Овчина-Телепнев-Оболенский, названный поляками в числе главных руководителей думы, стал для опекунов самым опасным противником. Он сумел снискать расположение великой княгини Елены. Молодая вдова, едва справив поминки по мужу, сделала Овчину своим фаворитом. Позднее молва назовет фаворита подлинным отцом Грозного. Но то была пустая клевета. Овчина рано отличился на военном поприще. В крупнейших походах начала 30-х годов он командовал передовым полком. Служба в передовых воеводах была лучшим свидетельством его воинской доблести. Василий III оценил заслуги князя и незадолго до своей кончины пожаловал ему боярский чин, а по некоторым сведениям, также титул конюшего – старшего боярина думы. На погребении Василия великая княгиня вышла к народу в сопровождении трех опекунов (Шуйского, Глинского и Воронцова) и Овчины.

Простое знакомство с послужным списком Овчины убеждает в том, что карьеру он сделал на поле брани, а не в великокняжеской спальне. Овчина происходил из знатной семьи, близкой ко двору. Родная сестра его – боярыня Челяднина – была мамкой княжича Ивана IV. Перед смертью Василий III передал ей сына с рук на руки и велел «ни пяди не отступать» от ребенка. Конфликт между Овчиной и Глинским возник на почве политического соперничества.

За спиной Овчины стояла Боярская дума, стремившаяся покончить с засильем опекунов, за спиной Глинского – семибоярщина, которой недоставало единодушия. Фаворит оказал Глинской неоценимую услугу. Будучи старшим боярином думы, он бросил дерзкий вызов душеприказчикам великого князя и добился уничтожения системы опеки над великой княгиней.

Семибоярщина управляла страной менее года. Ее власть начала рушиться в тот день, когда дворцовая стража отвела Михаила Глинского в тюрьму.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА ЕЛЕНА ГЛИНСКАЯ

Перед смертью Василий III просил Глинского позаботиться о безопасности своей семьи. «Пролей кровь свою и тело на раздробление дай за сына моего Ивана и за жену мою...» — таково было последнее напутствие великого князя. Князь Михаил не смог выполнить данного ему поручения по милости племянницы, великой княгини.

Австрийский посол Герберштейн объяснял гибель Глинского тем, что он пытался вмешаться в интимную жизнь Елены и настойчиво убеждал ее порвать с фаворитом. Герберштейн был давним приятелем Глинского и старался выставить его поведение в самом благоприятном свете. Но он мало преуспел в своем намерении. Об авантюрных похождениях Глинского знала вся Европа. Могло ли моральное падение племянницы в самом деле волновать престарелого авантюриста? В этом можно усомниться.

Столкновение же между Овчиной и Глинским всерьез беспокоило вдову и ставило ее перед трудным выбором. Она либо должна была удалить от себя фаворита и окончательно подчиниться семибоярщине, либо, пожертвовав дядей, сохранить фаворита и разом покончить с жалким положением княгини на вдовьем уделе. Мать Грозного выбрала второй путь, доказав, что неукротимый нрав был фамильной чертой всех членов этой семьи. Елена стала правительницей вопреки ясно выраженной воле Василия III. С помощью Овчины она совершила подлинный переворот, удалив из опекунского совета сначала Михаила Глинского и Михаила Воронцова, а затем князя Андрея Старицкого.

Поздние летописи объясняли опалу Глинского и Воронцова тем, что они хотели держать «под великой княгиней» Российское царство, иначе говоря, хотели править за нее государством. Летописцы грешили против истины в угоду царю Ивану IV, считавшему мать законной преемницей отцовской власти. На самом деле Глинский и Воронцов правили по воле Василия III, который назначил их опекунами своей семьи.

Но с того момента, как Боярская дума взяла верх над семибоярщиной, законность обернулась беззаконием: боярскую опеку над великой княгиней стали квалифицировать как государственную измену.

О Глинском толковали, будто он отравил Василия III и хотел выдать полякам семью великого князя. Но этим толкам трудно верить. На самом деле князь Михаил погиб потому, что был чужаком среди московских бояр. Уморив Глинского в тюрьме, власти «забыли» наказывать Воронцова. Его отправили в Новгород, наделив почетным титулом главного воеводы и наместника новгородского. Подобные действия обнаружили всю пустоту официальных заявлений по поводу заговора Глинского и Воронцова. Самый влиятельный из вождей семибоярщины, Юрьев, подвергся аресту еще до того, как взят был под стражу Глинский. Но он понес еще более мягкое наказание, чем Воронцов. После недолгого заключения его освободили и оставили в столице. Юрьев заседал в Боярской думе даже после того, как его двоюродный брат бежал в Литву.

Андрей Старицкий, младший брат Василия III, который владел обширным княжеством и располагал внушительной военной силой, после крушения семибоярщины укрылся в удельной столице — городе Старице. Однако сторонники Елены не оставили его в покое. Князю велели подписать «проклятую» грамоту о верной службе правительнице.

Опекунские функции, которыми Василий III наделил брата, были аннулированы. Живя в уделе, Андрей постоянно ждал опалы. В свою очередь, Елена подозревала бывшего опекуна во всевозможных кознях. По совету Овчины она решила вызвать Андрея в Москву и захватить его. Удельный князь почуял неладное и отклонил приглашение, сказавшись больным. При этом он постарался убедить правительницу в своей лояльности и отправил на государеву службу почти все свои войска. Этой его оплошностью сразу воспользовались Глинская и ее

фаворит. Московские полки скрытно двинулись к Старице. Предупрежденный среди ночи о подходе правительственных войск, Андрей бросился из Старицы в Торжок. Отсюда он мог уйти в Литву, но вместо того повернул к Новгороду. С помощью новгородских дворян бывший глава семибоярщины надеялся одолеть Овчину и покончить с его властью.

«Князь великий мал, – писал Андрей новгородцам. – Держат государство бояре, и яз вас рад жаловати». Хотя некоторые дворяне и поддержали мятеж, Андрей не решился биться с Овчиной и, положившись на его клятву, отправился в Москву, чтобы испросить прощение у невестки. Как только удельный князь явился в Москву, его схватили и «посадили в заточенье на смерть». На узника надели некое подобие железной маски – тяжелую «шляпу железную» и за полгода уморили в тюрьме. По «великой дороге» от Москвы до Новгорода расставили виселицы. На них повесили дворян, вставших на сторону князя Андрея. Князь Михаил Глинский и брат великого князя Андрей были «сильными» людьми семибоярщины. Их Овчина наказал самым жестоким образом. Другие же душеприказчики Василия III – князья Шуйские, Юрьев и Тучков – заседали в думе до смерти Елены Глинской. По-видимому, именно в кругу старых советников Василия III созрели проекты важнейших реформ, осуществленных в те годы.

Бояре начали с изменений в местном управлении. Они возложили обязанность преследовать «лихих людей» на выборных дворян – губных старост, то есть окружных судей (губой называли округ). Они позаботились также о строительстве и украшении Москвы и провели важную реформу денежной системы. Дело в том, что с расширением товарооборота требовалось все больше денег, но запас драгоценных металлов в России был ничтожно мал. Неудовлетворенная потребность в деньгах вызвала массовую фальсификацию серебряной монеты. В городах появилось большое число фальшивомонетчиков. И хотя виновных жестоко преследовали, секли им руки, лили олово в горло, ничего не помогало. Радикальное средство для устранения кризиса денежного обращения нашли лишь в правление Елены Глинской, когда власти изъяли из обращения старую разновесную монету и перечеканили ее по единому образцу.

Основной денежной единицей стала серебряная новгородская деньга, получившая наименование «копейка» – на «новгородке» чеканили изображение всадника с копьем (на старой московской деньге чеканили всадника с саблей). Полновесная новгородская «копейка» вытеснила легкую московскую «сабляницу».

Правление Глинской продолжалось менее пяти лет. Надо сказать, что женщины Древней Руси редко покидали мир домашних забот и посвящали себя политической деятельности. Не многим затворницам терема удалось приобрести историческую известность. В числе их была Елена Глинская. Она начала с того, что узурпировала власть, которой Василий III наделил семибоярщину. Без ее согласия не могли быть проведены последующие реформы. Но в самом ли деле можно считать ее мудрой правительницей, какой изображали ее царские летописи? Ответить на этот вопрос невозможно из-за отсутствия фактов. Бояре ненавидели Глинскую за ее пренебрежение к старине и втихомолку поносили ее как злую чародейку.

В последний год жизни Елена много болела и часто ездила на богомолье в монастыри. Великая княгиня умерла 3 апреля 1538 г. Власть перешла к уцелевшим членам семибоярщины. Они поспешили расправиться с Овчиной: «умориша его голодом и тягостию железною, а сестру его Аграфену сослаша в Каргополь и тамо ее постригоша в черницы».

Смерть правительницы была, как видно, естественной. Правда, австрийский посол Герберштейн по слухам писал об отравлении великой княгини ядом. Но сам же он удостоверился в неосновательности молвы и, издавая «Записки» во второй раз, не упомянул больше о насильственной смерти Елены. Царь Иван, негодовавший на бояр за непочтение к матери, даже не догадывался о возможном ее отравлении.

Бояре восприняли смерть Елены как праздник. Бывшие члены семибоярщины честили незаконную правительницу, не стесняясь в выражениях. Один из них, боярин Михаил Тучков,

как утверждал царь Иван, произнес «на преставление» его матери многие надменные «словеса» и тем уподобился ехидне, «отрыгающей яд».

ИВАНОВО ДЕТСТВО

До смерти отца княжич Иван жил на женской половине терема под надзором боярынь, кормилиц и нянек. В три года его образ жизни изменился. Отныне он должен был участвовать во всех церемониях, требовавших присутствия монарха. Опекуны не позаботились о том, чтобы переделать трон, который был слишком велик и неудобен для мальчика.

Свою первую аудиенцию трехлетний Иван дал гонцам крымского хана. После приема он «подавал им мед». В шесть лет князь принимал литовских послов и произнес несколько слов, предписанных церемониалом. Однако на пирах в честь послов мальчик отсутствовал. Литовцам объяснили, что великому князю «будет стол в истому».

При жизни Василия III и после его кончины главной боярыней при наследнике состояла Аграфена, вдова боярина Василия Андреевича Челяднина. Отец боярина Василия Андрей, а затем брат Василия Иван были первыми, кто получил от Ивана III высший чин конюшего боярина.

Елена Глинская доверяла Аграфене Челядниной. Ее брат Овчина стал конюшим. В 1536 г. Аграфена вместе с Овчиной сопровождала Ивана IV в его первой поездке на богомолье в Троице-Сергиев монастырь. В следующем году на посольском приеме «ходил у великого князя в дяди место» Иван Иванович Челяднин. Еще через два года дядька получил титул конюшего. Обязанности дядьки были разнообразными. Челяднин был воспитателем наследника. Вероятно, именно он начал знакомить его с книжной премудростью. После смерти матери княжич Иван лишился привычного окружения.

С гибелью Андрея Старицкого старшим среди опекунов стал князь Василий Васильевич Шуйский. Этот боярин, которому было более 50 лет, женился на царевне Анастасии, двоюродной сестре Ивана IV. Став членом великокняжеской семьи, князь Василий захотел устроить жизнь, приличную его новому положению. Со старого подворья он переехал жить на двор Старицких.

Царь Иван говаривал, будто князья Василий и Иван Шуйские самовольно приблизились к его особе и «так воцаришася». Но так ли было в действительности? Ведь Шуйские стали опекунами малолетнего Ивана по воле великого князя!

Будучи членами одной из самых аристократических русских фамилий, Шуйские не пожелали делить власть с теми, кто приобрел влияние благодаря личному расположению Василия III. Раздор между «принцами крови» (так Шуйских называли иностранцы) и старыми советниками Василия III (боярами Юрьевым, Тучковым и думными дьяками) разрешился смутой. Через полгода после смерти правительницы Шуйские захватили ближнего дьяка Федора Мишурина и предали его казни.

Вскоре же они довершили разгром семибоярщины, начатый Еленой. Боярин и регент Тучков отправился в ссылку в деревню. Его двоюродный племянник Юрьев прожил менее года после описанных событий. Ближайший союзник Тучкова в думе боярин Иван Бельский подвергся аресту и попал в тюрьму. Торжество Шуйских завершено было низложением митрополита Даниила, сподвижника Василия III. Расправившись со своими противниками, Василий Шуйский присвоил себе стародавний титул боярина «наместника на Москве».

Победа Шуйских была полной, но кратковременной. Старый князь Василий умер в самый разгар затеянной им смуты. Он пережил Мишурина на несколько недель. Младший брат Иван Шуйский не обладал ни авторитетом, ни опытностью старшего. В конце концов он рассорился с остальными боярами и перестал ездить ко двору.

Противники Шуйских воспользовались этим, выхлопотали прощение Ивану Бельскому и вернули его в столицу, а Ивана Шуйского послали во Владимир с полками. Однако в результате переворота в 1542 г. опекун вернул себе власть. С помощью своих сторонников в думе он

низложил митрополита Иоасафа, а князя Бельского сослал на Белое озеро. Когда князь Иван, последний из душеприказчиков Василия III, умер, во главе партии Шуйских стал князь Андрей Шуйский. В то время великому князю Ивану исполнилось тринадцать лет.

Иван потерял отца в три года, а в семь с половиной лет остался круглым сиротой. Его четырехлетний брат Юрий не мог делить с ним детских забав. Ребенок был глухонемым от рождения. Достигнув зрелого возраста, Иван не раз с горечью вспоминал свое детство. Чернила его обращались в желчь, когда он описывал обиды, причиненные ему – заброшенному сироте – боярами. Жалобы царя столь впечатляющи, что их обаянию поддались историки. На основании царских писем В.О. Ключевский нарисовал знаменитый психологический портрет Ивана-ребенка. В душу сироты, писал он, рано и глубоко врезалось чувство брошенности и одиночества. Безобразные сцены боярского своеволия и насилий, среди которых рос Иван, превратили его робость в нервную пугливость. Ребенок пережил страшное нервное потрясение, когда бояре Шуйские однажды на рассвете вломились в его спальню, разбудили и испугали его. С годами в Иване развились подозрительность и глубокое недоверие к людям.

Насколько достоверен образ Ивана, нарисованный рукой талантливого художника?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо вспомнить, что Иван до семи лет рос, окруженный материнской лаской, а именно в эти годы сформировались основы его характера. Опекуны, пока были живы, не вмешивали ребенка в свои распри, за исключением того случая, когда приверженцы Шуйских арестовали в присутствии Ивана своих противников, а заодно и митрополита Иоасафа. Враждебный Шуйским летописец замечает, что в 1542 г. в Москве произошел мятеж и «государя в страховании учиниша». Царь Иван дополнил летописный рассказ. При аресте митрополита бояре «с шумом» приходили к государю в постельные хоромы. Мальчика разбудили «не по времени» – за три часа до света – и петь «у крестов» заставили.

Ребенок даже не подозревал, что на его глазах произошел переворот. В письме к Курбскому царь не вспомнил о своем мнимом «страховании» ни разу, а о низложении митрополита упомянул мимоходом и с полным равнодушием: «да и митрополита Иоасафа с великим бесчестием с митрополии согнаша». Как видно, царь попросту забыл сцену, будто бы испугавшую его на всю жизнь. Можно думать, что непосредственные ребяческие впечатления, по крайней мере лет до 12, не давали Ивану никаких серьезных оснований для обвинения бояр в непочтительном к нему отношении.

Поздние сетования Грозного производят странное впечатление. Кажется, что Иван пишет с чужих слов, а не на основании ярких воспоминаний детства. Царь многословно бранит бояр за то, что они расхитили «лукавым умышлением» родительское достояние – казну. Больше всех достается Шуйским. У князя Ивана Шуйского, злословит Грозный, была единственная шуба и та на ветхих куницах – «то всем людям ведомо», как же мог он обзавестись золотыми и серебряными сосудами: чем сосуды ковать, лучше бы Шуйскому шубу переменить, а сосуды куют, когда есть лишние деньги.

Можно допустить, что при великокняжеском дворе были люди, толковавшие о шубах и утвари Шуйских. Но что мог знать обо всем этом десятилетний князь-сирота, находившийся под опекой Шуйских? Забота о сохранности родительского имущества пришла к нему, конечно же, в зрелом возрасте. О покаянии казны он узнал со слов «доброхотов» много лет спустя.

Иван на всю жизнь сохранил недоброе чувство к опекунам. В своих письмах он не скрывал раздражения против них. Припомню одно, писал Иван, как, бывало, мы играем в детские игры, а князь Иван Шуйский сидит на лавке, опершись локтем о постель покойного отца, положив ноги на стул, а на нас и не смотрит. Среди словесной шелухи мелькнуло наконец живое воспоминание детства. Но как превратно оно истолковано! Воскресив в памяти фигуру немощного старика, сошедшего вскоре в могилу, Иван начинает бранить опекуна за то, что тот сидел, не «преклоняясь» перед государем ни как родитель, ни как властелин, ни как слуга перед своим

господином. «Кто же может перенести такую гордыню?» – этим вопросом завершает Грозный свой рассказ о правлении Шуйских.

Бывший друг царя Курбский, ознакомившись с его письмом, не мог удержаться от иронической реплики. Он высмеял неловкую попытку скомпрометировать бывших опекунов и попытался растолковать Ивану, сколь неприлично было писать «о постелях, о телогреях» (шубах Шуйских) и включать в свою эпистолию «иные бесчисленные яко бы неистовых баб басни».

Иван жаловался не только на обиды, но и на «неволю» своего детства. «Во всем воли несть, – сетовал он, – но вся не по своей воли и не по времени юности». Но можно ли было винить в том лукавых и прегордых бояр? В чинных великокняжеских покоях испокон веку витал дух Домостроя, а это значит, что жизнь во дворце подчинена была раз и навсегда установленному порядку. Мальчика короновали в три года, и с тех пор он должен был часами высиживать на долгих церемониях, послушно исполнять утомительные, бессмысленные в его глазах ритуалы, ради которых его ежедневно отрывали от увлекательных детских забав. Так было при жизни матери, так продолжалось и при опекунах.

По словам Курбского, бояре не посвящали Ивана в свои дела, но зорко следили за его привязанностями и спешили удалить из дворца возможных фаворитов. Со смертью последних опекунов система воспитания детей в великокняжеской семье неизбежно должна была измениться. Патриархальная строгость уступила место попустительству. Как говорил Курбский, наставники, «хваляше (Ивана), на свое горшее отрока учаще». В отроческие годы попустительство наносило воспитанию Ивана больший ущерб, чем мнимая грубость бояр.

Иван быстро развивался физически и в 13 лет выглядел сущим верзилой. Посольский приказ официально объявил за рубежом, что великий государь «в мужеский возраст входит, а ростом совершенного человека уже есть, а з Божьего волею помышляет ужо брачный закон Припяти». Дьяки довольно точно описали внешние приметы рослого юноши, но они напрасно приписывали ему степенные помыслы о женитьбе.

Современники с похвалой отзывались о том, что Иван «от юны версты (в юности) не любяше ни гуселнаго звяцания, ни прегудниц скрипения... ни скомрах видимых бесов скакания и плясания». Как видно, в окружении подростка не оказалось людей, которые могли бы привить ему любовь к музыке или танцам. Что касается скоморохов, их попросту не допускали во дворец.

В 10-12 лет подросток очень мало напоминал прежнего мальчика, росшего в «неволе» и в строгости. Летописцы о многом умалчивали, коль скоро речь заходила о развлечениях молодого монарха. Недостающие сведения можно найти у Курбского.

Когда мальчик подрос, он предавался потехам и играм, которых его лишали в детстве. Окружающих поражали буйство и неистовый нрав Ивана. Лет в 12 он забирался на островерхие терема и сталкивал «с стремнин высоких» кошек и собак, тварь бессловесную. В 14 лет он «начал человекоев ураияти». Кровавые забавы тешили «великого государя». Мальчишка отчаянно безобразничал. С ватагой сверстников – детьми знатных бояр – он носился по улицам и площадям столицы, топтал конями зазевавшихся прохожих, на рынках бил и грабил «всенародных человекоев, мужей и жен... скачюще и бегающе всюду неблагочинно».

Если верить Курбскому, от озорства Ивана страдали не одни простолюдины, сброшенные с крыши терема, но и знатные сверстники, товарищи его игр. Великий князь якобы велел задушить пятнадцатилетнего князя Михаила, сына служилого князя Богдана Трубецкого.

С кончиною опекунов и приближением совершеннолетия великого князя бояре все чаще стали впутывать мальчика в свои распри. Иван живо помнил, как в его присутствии произошла потасовка в думе, когда Андрей Шуйский и его приверженцы бросились с кулаками на боярина Воронцова, стали бить его «по ланитам», оборвали на нем платье, «вынесли из избы да убить хотели» и «бояр в хребет толкали». Примерно через полгода после инцидента в думе один из «ласкателей» подучил великого князя казнить Андрея Шуйского. Псари набросились на

боярина возле дворца у Курятных ворот. Убитый лежал наг в воротах два часа. «От тех мест, – записал летописец, – начали бояре от государя страх имети и послушание». Прошли долгие и долгие годы, прежде чем Иван IV добился послушания от бояр, пока же он сам стал орудием в руках придворных. Они, как писал Курбский, «начата подущати его и мстити им (Иваном) свои недружбы, един против другого».

Примерно в одно время с кончиной последнего из опекунов умер «дядька» и воспитатель великого князя конюший Иван Иванович Челяднин. Старый уклад жизни в великокняжеской семье окончательно рухнул. Много позже Иван любил упрекать бояр, не сподобивших государей своих «никоего промышления доброхотного». Нас с единокровным братом Юрием, жаловался он, стали питать как иностранцев или же как «убожайшую чадь», как тогда пострадали мы «во одеянии и в алчбе»; сколько раз вовремя не давали нам поесть! Как же исчезать такие многие бедные страдания, каковые перестрадал я в юности? – патетически восклицал Иван. Несомненно, в его жалобах, как эхо, звучали живые воспоминания юности. Но вот вопрос: к каким годам они относились? Можно сказать почти наверняка, что ко времени, когда Иван избавился от всякой опеки и стал жить в «самовольстве». «Ласкающие пестуны», стараясь завоевать расположение мальчика, не слишком принуждали его к учению. Наказать его за безобразия или заставить вовремя поесть они попросту не могли.

Сведения о боярском правлении сообщают летописи, которые были составлены, когда царь Иван достиг зрелого возраста. Летописцы исходили из того, что после смерти Василия III единственным законным носителем высшей власти в государстве был монарх, независимо от его возраста. Надо ли говорить, что власть находилась в руках бояр, правивших государством на основании закона, традиций и последней воли Василия III.

Боярская дума как учреждение окончательно сформировалась в конце XV в. при Иване III. При его малолетнем внуке «боярский синклит» стал выполнять функции высшего органа монархии впервые в полном объеме.

Борьба за власть в период боярского правления сосредоточилась на вопросе, кто будет осуществлять руководство думой. Главными соперниками были Бельские и Шуйские. Литовские выходцы Бельские получили удельные владения из рук монарха и зависели от него. Могущество коренной суздальской знати опиралось на наследственные земельные богатства.

Даже так называемый боярский «мятеж Шуйских» 1542 г. вовсе не был примером боярских беззаконий. Иван Бельский был отправлен в ссылку, а затем возвращен в столицу по решению Боярской думы, когда всевластие Шуйских вызвало недовольство бояр.

Бельскому не удалось сохранить поддержку думы, и он был вторично арестован «советом боярским». Под диктовку царя Ивана летописец вписал между строк имена бояр, выступивших против Бельского. То были боярин и дворецкий князь Иван Кубенский-Ярославский, его брат боярин Михаил, князь Дмитрий Палецкий-Стародубский, казначей Иван Третьяков-Головин.

До времени реформ Боярская дума не имела своей канцелярии, помимо канцелярий Дворцового и Казенного приказов. С возникновением системы приказов дума получила разветвленную канцелярию. Характерно, что в 1542 г. «советом бояр» руководили дворецкий Кубенский и казначей Третьяков-Головин. Арестованного Бельского посадили под арест на Казенном дворе.

Дума решила спешно вызвать из Владимира боярина Ивана и Андрея Шуйских и боярина Ивана Большого Шереметева. Решения думы были вполне законными, так как исходили от высшего органа государства.

По решению «боярского совета» Бельский был сослан в тюрьму на Белоозере. Вслед за тем его тайно умертвили, что было уже вопиющим произволом. 9 сентября 1543 г. Шуйские, Кубенские, Палецкий и их сторонники стали добиваться от Боярской думы решения об аресте Федора Воронцова. Защитники Воронцова обратились к великому князю. От его имени в думу к Шуйским дважды ходили митрополит Макарий и бояре Морозовы. Они не допустили казни

Воронцова. Иван IV просил отослать опального в Коломну. Его ходатайство не было исполнено. Но Воронцов избежал кары и был сослан воеводой в Кострому. Прошло совсем немного времени, и его простили и даже произвели в бояре.

Иван IV сам подтвердил свою причастность к убийству князя Андрея Шуйского. Но ответственность за эту казнь лежала все же не на нем. Осведомленный летописец записал, что Шуйского убили псари «повелением боярским».

Курбский считал сходными обстоятельства гибели Бельского и Шуйского. Оба боярина были казнены без розыска, предъявления обвинений и оглашения приговора на Лобном месте. Одного умертвили дети боярские, неведомо кем посланные на Белоозеро, другого – псари у дворца. Всю вину за их убийство Курбский возложил на Ивана по очевидной к нему вражде. В самом деле, митрополит, защищавший Бельского, бросился за помощью в комнату к великому князю. Там же прятался сторонник Бельского князь Петр Щенятев. (Его без шума вывели оттуда «задними дверьми».) Официальная летопись имела основание утверждать, что Бельского убили «без великого князя ведома». До поры до времени участие князя Ивана IV в управлении государством было простой видимостью. Однако в его поведении появились новые черты. После убийства Андрея Шуйского он выехал на богомолье в Калязин монастырь в сопровождении «бояр множества». В четырнадцать лет монарх отправился в Троице-Сергиев монастырь, а оттуда через Ростов и Ярославль в Кирилле-Белозерский монастырь и окружающие его обители: Ферапонтов, Корнильев-Комельский, Павлов-Обнорский монастыри.

Путешествие было далеким и продолжалось несколько месяцев. Можно ли видеть в этом факте доказательство того, что Иван уже тогда проникся религиозным чувством? Может быть, он вспомнил о давнем путешествии в те же обители родителей, моливших Бога о рождении наследника? Допустимо более простое толкование.

Боярская дума не могла отказать великому князю, когда он просился в далекие края на богомолье. Лучшего предлога невозможно было придумать. В долгих богомольях Иван был избавлен от надоевших ему дворцовых церемоний, а кроме того, подросток мог удовлетворить пробудившуюся в нем тягу к странствиям. Попутно князь не отказывал себе в потехах: в густых лесах тешился медвежьей охотой и ловлей зверя.

Монахи, принимая государя, не чинились с ним. В Кириллов царь и его свита прибыли к ночи, когда монашеская трапеза закончилась и припасы были снесены в погреб. Монастырский подкеларник отказал в трапезе знатным московским гостям, сказав: «Государя боюся, а Бога надобе больше того бояться».

ЦАРСКИЙ ТИТУЛ

Василий III велел боярам, как было отмечено выше, «беречь» сына до 15 лет, после чего должно было начаться его самостоятельное правление. 15 лет – пора совершеннолетия в жизни людей XVI столетия. В этом возрасте дворянские дети поступали «новиками» на военную службу, а дети знати получали низшие придворные должности. Василий III возлагал надежды на то, что назначенные им опекуны приобщат наследника к делам управления. Но опекуны сошли со сцены, не исполнив главного порученного им дела. В 15 лет Иван IV оказался неподготовленным к роли правителя державы.

Едва монарх достиг совершеннолетия, участились столкновения его с думой. Иван предпринимал энергичные попытки избавиться от боярской опеки в полном соответствии с завещанием отца.

Осенью 1545 г. государь велел урезать язык Афанасию Бутурлину «за его вину, за невежливые слова». Дума выразила неудовольствие. В ответ князь наложил опалу на бояр «за их неправду, на князя Ивана Кубенского и на князя Петра, на Шуйского, и на князя Александра Горбатого, и на Федора на Воронцова, и на князя на Дмитрея Палецкого».

В тот период Кубенский фактически возглавлял думу. Он был не только дворецким, но и близким родственником Ивана IV. Его мать была сестрой Василия III. Курбский так характеризовал боярина: «Муж зело разумный и тихий, в совершенных уже летех».

Фактически великий князь объявил опалу всему руководству Боярской думы. В конце концов конфликт был улажен благодаря вмешательству митрополита Макария. В декабре опала с бояр была снята.

В 1546 г. дума просила государя возглавить поход на южную границу Руси. Прибыв в Коломну, он расположился лагерем со «своим полком» под Голутвеным монастырем. На границу были вызваны новгородские пищальники (стрельцы). Истощив свои припасы и испытывая нужду в продовольствии, они решили просить помощь у государя. Толпа из пятидесяти пищальников подстерегла Ивана за стенами Коломны. Но князь не пожелал выслушать их челобитье, так как покинул лагерь, чтобы «на прохлад поездити потешиться». Челобитчики явились некстати, и царь велел свите прогнать их. Люди своенравные, новгородцы не подумали подчиниться приказу государя. Они оказали сопротивление придворным: начали «бити колпаки и грязью шибати». Дворяне пустили в ход сабли и стали стрелять из луков. Пищальники бросились бежать к посаду. Укрывшись за стенами, они открыли огонь из ружей. С обеих сторон было убито не менее десятка человек.

Достаточно было милостивого слова – простого обещания, чтобы спровадить жалобщиков с дороги. Но Иван еще не научился говорить с народом. В результате ему пришлось пробираться к своему стану в Коломне «иными местами», обходным путем.

На границе все было спокойно. Враг не появлялся, и государь предался потехам – «пашню пахал вешнюю и з бояры сеял гречиху и инны потехи, на ходулях ходил и в саван наряжался». Пока игры носили невинный характер, бояре скрепя сердце участвовали в них. В окрестных деревнях крестьяне приступили к пахоте, и государю с боярами нетрудно было заполучить лошадей и сошки. Если понимать летописную заметку буквально, на ходулях Иван ходил один. Старым боярам такая потеха была не к лицу. Что касается игрищ с саваном и покойником, они не могли вызвать у бояр ничего, кроме раздражения и гнева. Игра в похороны была, по существу, богохульным развлечением. Мнимого покойника обряжали в саван, укладывали в гроб и ставили посреди избы. Заупокойную молитву заменяла отборная брань. Под конец собранных на отпевание девок насильно заставляли целовать «покойника» в уста. Старые бояре не могли стерпеть такого бесчинства.

Уповая на родство, Кубенский пытался урезонить племянника. Тогда тот «с великие ярости» приказал схватить его вместе с боярами Федором Воронцовым и Иваном Воронцовым, сыном опекуна Михаила Воронцова. Всем им Иван велел отсечь головы «у своего стану перед своими шатры».

Вместе с Кубенским аресту подвергся боярин конюший Иван Петрович Федоров-Челяднин. Федоров спас голову ценой унижения. Все было готово для казни. Конюшего «в те же поры ободрана нага держали» перед шатром, но он «против государя встреч не говорил, а во всем ся виноват чинил».

Конюший был отправлен в ссылку. Но этим дело не ограничилось. Вскоре же Иван IV приказал убить двух своих сверстников, принадлежавших к знатнейшим фамилиям. В свое время фаворит Елены Глинской Иван Овчина жестоко расправился с опекуном Михаилом Львовичем Глинским. Мечь обрушилась на голову его сына. Федора Овчинина предали мучительной казни – посадили на кол. Брата Овчинина, князя Ивана Дорогобужского, обезглавили на льду Москвы-реки.

Кровавая расправа со сверстниками не была следствием мальчишеской ссоры.

Современники засвидетельствовали, что их убили по повелению Михаила Глинского и матери его – княгини Анны. Глинские точно рассчитали удар. Они отняли у конюшего Федорова-Челяднина не только все его титулы, но и единственного наследника – пасынка князя Дорогобужского.

Прощение Федорова доказывало, что у великого князя не было никаких серьезных причин для расправы с боярским руководством. Дума не желала выпускать из своих рук бразды правления. Передача властных полномочий безответственному и жестокому подростку грозила большими бедами для государства.

Столкновение из-за мелких и случайных обстоятельств имело в действительности принципиальное значение.

Монарх не имел права казнить бояр без подлинного сыска и суда Боярской думы.

Иван грубо нарушил традицию. Много позже он попытался оправдать свои злодеяния и пытался сослаться на «мятеж» новгородских пищальников. Выходило так, будто новгородцев подтолкнул к бунту Федор Воронцов, которого Иван приблизил после убийства Андрея Шуйского. Казнь Воронцова монарх объяснял его неблагодарностью:

«Кого государь пожалует без Федорова ведома, и Федору досадно». Досаду прежнего любимца вызывало, очевидно, возвышение Глинских.

Первоначально летописец, не имея возможности обличить истинных виновников жестоких казней, возложил всю ответственность на дьявола. «По диаволу действу» дьяк Василий Захаров оклеветал бояр «ложными словесы», а Иван простодушно поверил ему. Самому Ивану эта версия не удовлетворила, и он сделал приписку на полях летописи с изложением нелепой истории о московских боярах, подстрекавших новгородцев к мятежу. Инициаторами репрессий были, конечно же, влиятельные лица, стоявшие за спиной подростка. Совершеннолетием Ивана пытались воспользоваться его родня по матери Глинские. Они давно ждали своего часа. Предметом их воцелений были высшие думные титулы. Именно поэтому они добились ареста Федорова.

Правление Ивана началось неладно. Пролилось много крови. Необходимо было исправить впечатление и упрочить авторитет монарха. При таких обстоятельствах в окружении государя возникли планы его коронации царским венцом. Митрополит Макарий, а также и Глинские энергично поддержали эти планы.

Глинские были людьми, которых Курбский метко назвал «ласкателями». Стараясь упрочить свое влияние на мальчика, они потакали ему во всем.

В декабре 1546 г. Иван явился во Псков в сопровождении Михаила Глинского. Он «все гонял на ямских»: ночь ночевал в Пскове, ночь – на Вороначе, ночь – в Псково-Печерском монастыре. Псковичам было от того «много протор и волокит».

Монарх спешил, чтобы не опоздать на собственную коронацию в Москве. Жители тщетно надеялись на то, что великий князь даст им управу на воеводу князя Ивана Турунта Пронского. Государь умчался из Пскова, «не управив своей вотчины ничего». Тогда псковичи выбрали 70 человек и отправили их со своими жалобами в Москву. Посланцы застали князя в селе Остров в Подмосковье. Иван был недоволен тем, что подданные посмели испортить ему отдых. Но главным было не это. Псковичи явились с жалобами на Турунта Пронского, а этот боярин был ближайшим другом Михаила Глинского. (Через несколько месяцев они вместе попытались бежать в Литву.) Все это решило участь жалобщиков. «Князь великий государь опалился на псковичь, сих бесчестовал, обливаячи вином горячим, палил бороды да свечью зажигал и повеле их покласти нагих на землю». Произошло это в начале июня 1547 г. Спасло псковичей неожиданное обстоятельство. Монарх узнал о страшном пожаре в Москве и помчался в столицу. Великовозрастный «недоросль» путал управление с забавой. Он был уверен, что всякую жалобу, всякую «встречу» – супротисловие подданных надо карать беспощадным образом.

Совершеннолетие Ивана IV было ознаменовано важным событием. Глава государства принял титул царя.

Люди средневековья представляли мировую политическую систему в виде строгой иерархии. Согласно византийской доктрине центром вселенной была Византия, воспринявшая наследие Римской империи. Русь познакомилась с византийской доктриной еще при киевских князьях. Помнили ее и в московские времена В XIV в. московских великих князей титуловали иногда стольниками византийского «царя».

Конечно, чин этот лишен был в то время какого бы то ни было политического смысла.

Страшный татарский погром и установление власти Золотой Орды включили Русь в новую для нее политическую систему – империю великих монгольских ханов, владевших половиной мира. Русские князья, получавшие теперь родительский стол из рук золотоордынских ханов, перенесли титул «царя» на татарских владык.

Московские князья давно именовали себя «великими князьями всея Руси», но только Ивану III удалось окончательно сбросить татарское иго и из князя-подручника стать абсолютно самостоятельным сувереном. Когда государь короновал шапкой Мономаха внука Дмитрия и даровал сыну Василию титул великого князя Новгородского, в Москве появилось сразу три великих князя. Чтобы подчеркнуть свое старшинство, Иван III стал именовать себя «самодержцем». Название было простым переводом титула «автохтон», который носил старший из византийских императоров.

Падение Золотой Орды и крушение Византийской империи в 1453 г. положили конец как вполне реальной зависимости Руси от татар, так и старым представлениям русских относительно высшей власти греческих «царей». Ситуация в Восточной Европе претерпела радикальные перемены после того, как вместо слабой, раздробленной, зависевшей от татар Руси появилось единое Российское государство.

Русское политическое сознание отразило происшедшие перемены в новых доктринах, самой известной из которых стала теория «Москва – третий Рим».

Согласно этой теории, московские князья выступали прямыми преемниками властителей «второго Рима» – Византийской империи.

Уже дед Грозного именовал себя «царем всея Руси». Правда, он воздержался от официального принятия этого титула, не рассчитывая на то, что соседние государства признают его за ним (Иван III употреблял его только в сношениях с Ливонским орденом и некоторыми немецкими князьями).

О коронации 16-летнего внука Ивана III бояре не сразу известили иностранные государства. Лишь через два года польские послы в Москве узнали, что Иван IV «царем и венчался» по примеру прародителя своего Мономаха и то имя он «не чужое взял». Выслушав это чрезвычайно важное заявление, послы немедленно потребовали представления им письменных доказательств. Но хитроумные бояре отказали, боясь, что поляки, получив письменный ответ, смогут обдумать возражения, и тогда спорить с ними будет тяжело. Отправленные в Польшу гонцы постарались объяснить смысл московских перемен так, чтобы не вызвать неудовольствия польского двора.

Ныне, говорили они, землю Русскою владеет государь наш один, потому-то митрополит и венчал его на царство Мономаховым венцом. В глазах москвитов коронация, таким образом, символизировала начало самодержавного правления Ивана на четырнадцатом году его княжения.

Ивана короновали 16 января 1547 г. После торжественного богослужения в Успенском соборе в Кремле митрополит Макарий возложил на его голову шапку Мономаха – символ царской власти. Первые московские князья в своих завещаниях неизменно благословляли наследников «шапкой золотой» – короной своей московской вотчины.

Великокняжеская корона в их духовных не фигурировала. Ею распоряжалась всецельная Орда. Когда Русь покончила с тяжким татарским игом, повелители могущественной державы продолжали украшать свою голову прадедовской «золотой шапкой», но теперь они именовали ее шапкой Мономаха. Любопытный австриец Герберштейн видел шапку на Василии III. Она была расшита жемчугом и нарядно убрана золотыми бляшками, дрожавшими при любом движении великого князя. Как видно, шапка была скроена по татарскому образцу. Но после падения Орды восточный покрой вышел из моды. По поводу происхождения шапки Мономаха сложена была такая легенда. Когда Мономах совершил победоносный поход на Царьград, его дед император Константин (на самом деле давно умерший) отдал внуку порфиру со своей головы, чтобы купить у него мир. От Мономаха императорские регалии перешли к московским государям.

Официальные летописи изображали дело так, будто 16-летний юноша по собственному почину решил короноваться шапкой Мономаха и принять царский титул. Митрополит и бояре, узнав о намерении государя, заплакали от радости, и все было решено. В действительности инициатива коронации принадлежала не Ивану, а тем людям, которые правили его именем.

Затеяв коронацию, родня царя добилась для себя крупных выгод. Бабка царя Анна с детьми получила обширные земельные владения на правах удельного княжества. Князь Михаил был объявлен ко дню коронации конюшим, а его брат князь Юрий стал боярином.

Едва ли можно согласиться с мнением, что коронация Ивана IV и предшествовавшие ей казни положили конец боярскому правлению. В действительности произошла всего лишь смена боярских группировок у кормила власти. Наступил кратковременный период господства Глинских.

В глазах самого царя перемена титула была важной жизненной вехой. Вспоминая те дни, царь писал, что он сам взялся строить свое царство и «по Божьей милости начало было благим». Увенчанный царским титулом, Иван IV явился перед своими подданными в роли преемника римских кесарей и помазанника Божьего на земле.

Государь недолго тешился блеском без труда приобретенного могущества. Жизнь вскоре преподала ему жестокий урок. Питомец дворцовых теремов плохо знал свой народ. Он видел испуганных людей, когда для потехи топтал лошадьми рыночную толпу, видел радостные лица в торжественные праздники. Но у покоренного народа было и другое лицо. Вскоре царю довелось увидеть и его.

МЯТЕЖ В МОСКВЕ

Невзирая на боярские распри и «безначалие», первая половина XVI в. была самым благополучным для русских крестьян временем. Расцвет деревни постепенно подготовлял почву для подъема государства. Крестьяне отвоевывали под пашню землю у леса и ставили починки (новые деревни), медленно продвигаясь на юг, в черноземную полосу. Неурожаи случались часто, но они не захватывали всю страну разом и не имели катастрофических последствий.

Численность городского населения была невелика. Но города переживали расцвет.

Государство не вело крупных войн, а потому налоговое бремя было сравнительно легким.

Приход к власти Глинских едва ли мог изменить ситуацию. Однако современники утверждали, будто их правление ознаменовалось всевозможными бесчинствами. Родня царя долгое время была не у дел и теперь старалась наверстать упущенное. В короткое время Глинские успели снискать общую ненависть. Как повествует летописец, в царствующем граде Москве и по всей стране умножились неправды и насилия от вельмож, судивших несправедливо по мзде и облагавших население тяжкими даями. Слуги Глинских вели себя в столице, как в завоеванном городе. «Черным людям» от них было «насильство и грабеж».

Собственно, новые временщики были не хуже прежних боярских правительств. Но Глинские шли к власти напролом и восстановили против себя всю знать. Из-за этого положение их было очень шатким.

В жаркие летние месяцы 1547 г. в Москве произошли крупные пожары, ускорившие развязку. От огня пострадало множество дворов и церквей. Выгорел Кремль, пострадали городские укрепления. В огне погибли 1700 человек. Митрополит чудом спасся из горящего Кремля, но получил сильные ушибы, когда его на веревках спускали с крепостной стены. Иван поспешил навестить Макария. Его сопровождали бояре Иван Петрович Федоров, вернувшийся из ссылки, и князь Федор Скопин-Шуйский. В присутствии митрополита Федоров сообщил государю о смутной молве. В столице толковали, что «яко волхованием... вся Москва погоре». В колдовстве народ винил Глинских. Но об этом боярин умолчал.

Четыре дня бояре вели розыск виновников «поджога» Москвы. Волнения в столице усиливались изо дня в день, и власти выслали из Кремля для объяснения с народом бояр Федорова, Скопина и Юрия Темкина, а также Григория Романова. Они «начата выпрашати: кто зажигал Москву?». Вопрос был рискованным, но бояре вовсе не собирались щадить своих недругов. Они знали, о чем толковала толпа, и, надо полагать, сами способствовали распространению зловещих слухов.

Вопрос о виновниках неслыханного бедствия пал на подготовленную почву. В толпе выкрикнули имя Анны Глинской и ее детей. События приобрели неожиданный оборот.

Боярин Юрий Глинский, узнав о наветах толпы, поспешил укрыться в Успенском соборе, где шло богослужение. По некоторым сведениям, мятежники захватили дядю царя на глазах у Ивана IV. Затем полумертвого боярина вытащили на площадь и добили камнями.

Иван IV подробно описал мятеж в приписках на полях официальной летописи. По его словам, чернь напустилась на царскую родню «того ради, что в те поры Глинские у государя в приближение и в жалование». Если верить Грозному, бояре сами спровоцировали мятеж против правителя Михаила Глинского и его братьев.

В столице произошли уличные беспорядки. Чернь разграбила дворы Глинских, перебила их вооруженных слуг «бесчисленно», а заодно уездных детей боярских из Северной Украины, ошибочно приняв их за людей правителя. Царю пришлось «утеши» со всем двором в подмосковное село Воробьево. Но село оказалось для царской семьи ненадежным убежищем. На третий день мятежа московский палач скликал на площадь огромную толпу. Погорельцы громко кричали, что Москву «попали колдовством», что виною всему бабка царя «Волхова»

Анна: она вынимала из людей сердца, мочила их в воде и той водой, летая сорокой, кропила город. Разъяренная толпа «скопом» двинулась в Воробьево, чтобы разделаться с ненавистными временщиками. Появление толпы повергло царя в ужас. По словам Ивана, его жизни грозила опасность, «изменники напустили народ и нас убить». Боярам с трудом удалось успокоить чернь и убедить людей, что Глинских в Воробьево нет.

Вооруженная толпа беспрепятственно вернулась в столицу.

В бунте участвовали как низы – «черные люди», так и дети боярские и московские – «лучшие люди» (так называли богатых горожан). В конце концов волнение улеглось, и власти овладели положением в столице. Московские события показали царю Ивану поразительное несоответствие между его представлениями о своих возможностях и подлинным положением дел. С одной стороны, царю внушали, что его власть самодержавна и идет от Бога. С другой стороны, первые же шаги самостоятельного правления поставили его лицом к лицу с бунтующим народом, поднявшим руку на царскую семью. Не раз безнаказанно посягавший на чужую жизнь, Иван впервые должен был всерьез задуматься о собственном спасении и спасении близких людей.

Мятеж в Москве привел к отстранению Глинских от власти. На свадьбе Ивана IV в феврале 1547 г. Глинские играли самую видную роль. На свадьбу брата царя Юрия 3 ноября они не были приглашены. На третий день после свадьбы Юрия князь Михаил Глинский и Иван Пронский побежали в Литву. Прошло четыре месяца со времени убийства Юрия Глинского. За это время конюший Михаил Глинский должен был убедиться, что править государством без поддержки Боярской думы невозможно. Царю Ивану доставало власти, чтобы заступиться за Глинских.

Дума своевременно узнала о побеге двух видных бояр. Вдогонку был немедленно отправлен боярин князь Петр Шуйский, недруг Глинских. В последующей истории много неясного. Беглецы направились к литовскому рубежу из своих ржевских вотчин. До Литвы было рукой подать, но они все же не пересекли границу.

Шуйский с дворянами догнал их в великих тесных и непроходимых местах. Вместо того чтобы продолжать путь, бояре отправились в Москву, намереваясь первыми явиться к царю с повинной. Их оправдания сводились к тому, что они поехали молиться к Пречистой на Оковец, но съехали в сторону (границы), не зная дороги.

Михаилу Глинскому не удалось пробраться во дворец. Он был перехвачен Шуйским на пути к Кремлю и арестован.

Дума произвела розыск и признала дядю царя виновным. Отъезд за рубеж считался тяжким государственным преступлением. Но благодаря ходатайству митрополита и заступничеству Ивана опальные избежали тюрьмы. Однако дума отняла у Михаила Глинского титул конюшего.

ПОЧИН

Правительство Глинских пало, и с его падением закончилась целая полоса политического развития Русского государства, известная под названием «боярское правление». Правители могли бы справиться с кризисом, если бы располагали прочной поддержкой находившихся в столице дворян и посадских верхов. Восстание обнаружило непрочность их власти в обстановке недовольства, охватившего не только низы, но и верхи. Властям пришлось задуматься над тем, как покончить с дворянским оскудением. Уступки дворянству оказались неизбежны. Обнажившийся социальный антагонизм ошеломил власть имущих, на время ослабил боярские распри и во многом определил характер последующих реформ.

В ходе объединения русских земель власть московских государей чрезвычайно усилилась, но не стала неограниченной. Монарх делил власть с аристократией.

«Царь указал, а бояре приговорили» – по этой формуле принимались законы, решались вопросы войны и мира. Через Боярскую думу знать распоряжалась делами в центре. Она контролировала также и все местное управление. Бояре получали в «кормление» крупнейшие города и уезды страны.

Название «кормление» соответствовало действительности: областные управители собирали пошлыны в свой карман, то есть в буквальном смысле кормились за счет населения. Система кормлений была одним из самых архаических институтов XVI в.

Боярская аристократия старалась оградить свои привилегии с помощью местнических порядков. В соответствии с этими порядками служебные назначения определялись не пригодностью и опытом человека, а его «отчеством» (знатностью) и положением родни (отца, деда и прочих «сродников»). Местничество разобщало знать на соперничавшие кланы и вместе с тем закрепляло за узким кругом знатнейших семей исключительное право на замещение высших постов.

Знать ревниво оберегала традиции. Но распри и злоупотребления боярских клик в период малолетства Ивана скомпрометировали старый порядок вещей и сделали неизбежной более энергичную перестройку системы управления на новых началах.

Исключительное влияние на развитие монархии в XVI в. оказали перемены в структуре господствующего сословия. Старое боярство периода раздробленности, не расчлененное на чины, уступило место дворянскому служилому сословию.

Наименование «бояре» сохранили за собой лишь родовитая аристократия, крупные землевладельцы, входившие в думу.

Великим князьям московским издавна служили как слуги вольные, так и слуги «под дворским», великокняжеские холопы. От слуг «под дворским» произошло название «дворяне». В состав благородного российского дворянства вошли как великокняжеские холопы, так и некоторое число боярских холопов из состава распущенных боярских свит.

Московское правящее боярство сохраняло в своих руках огромные вотчинные богатства, которые и были основой его политического могущества. Совсем в ином положении находилась масса провинциальных детей боярских – мелких землевладельцев, для которых поместье (условное держание) стало основной формой земельного обеспечения. В лице дворян-помещиков монархия приобрела наиболее глубокую и прочную опору.

Перемены ранее всего сказались на войске. Объединения княжеских и боярских дружин уступили место единому поместному ополчению. В рядах дворянского ополчения насчитывалось несколько десятков тысяч средних и мелких землевладельцев.

Значение дворянской прослойки настолько возросло, что с ее требованиями должна была считаться любая боярская группировка, стоявшая у кормила власти. По временам доверенные лица великого князя из числа детей боярских получали думный чин и входили в

состав Боярской думы. Однако в целом влияние дворянства на дела управления совершенно не соответствовало его удельному весу. Боярская дума представляла почти исключительно одну только знать. Местнические порядки прочно закрывали дворянам путь к высшим государственным постам. Дворянство не желало мириться с таким положением дел и требовало привести систему управления в соответствие с новыми историческими условиями.

Московское восстание 1547 г. создало благоприятные возможности для выхода дворянства на политическую арену. Именно после восстания впервые прозвучал голос дворянских публицистов, и представителям дворянства был открыт доступ на сословные совещания, или соборы, получившие позже наименование Земских соборов.

Дворянские публицисты выдвинули проекты всестороннего преобразования государственного строя России. Поток преобразовательных идей в конце концов увлек молодого царя.

В формировании мировоззрения Ивана, как полагают, большую роль сыграл митрополит Макарий, «по чину» занявший место наставника царя. Высокообразованный человек, но посредственный писатель, Макарий обладал качеством, которое помогло ему пережить все боярские правительства и в течение 20 лет пользоваться милостями Ивана. Он старался сообразовать свои действия с запросами светской власти и выступал глашатаем «самодержавия». Глава церкви венчал «на царство» Ивана и придал новый блеск сильно потускневшей в годы боярского правления идее «богоизбранности» русских самодержцев. Глава церкви внес большой вклад в разработку идеологии самодержавия, которая была прежде уделом книжников, а затем получила практическое осуществление в деяниях Грозного.

Коронация Ивана IV положила начало церковной реформе. С возникновением православного царства появилась необходимость в едином пантеоне русских святых. 1 февраля 1547 г. в столице собрался Священный собор, рассмотревший вопрос о канонизации подвижников. В период раздробленности церковь внутри каждого княжества развивалась своими путями. У каждой земли явились свои чудотворцы.

Собор не причислил к лику святых ни одного из московских князей – прямых предков царя. Зато этой чести удостоился их злейший враг – князь Михаил Тверской, убитый в Орде вследствие происков московского князя. В списки новых святых попало имя Александра Невского, но нет имени Дмитрия Донского, победившего неверных на поле Куликовом. Канонизирован был новгородский князь Всеволод Мстиславич, почитавшийся местным святым во Пскове.

Объяснялось все это тем, что увлечение религией пришло к царю Ивану IV позже, и он, по-видимому, не оказал влияния на решения собора.

Инициатор реформы Макарий провел в Новгороде много лет и сжился с местными святыми. Поэтому среди новых общерусских чудотворцев решительно преобладали новгородские подвижники.

Благодаря реформе русская церковь обрела больше святых, чем имела за все пять веков своего существования. Церковная реформа призвана была возвеличить значение национальной церкви и доказать, что солнце «благочестия», померкшее в Древнем Риме и Царыраде, с новой силой засияло в Москве – «третьем Риме».

Деятельность Макария оказала воздействие на устремления Ивана. Но влияние митрополита не стало исключительным. С первых шагов самостоятельного правления Иван не мог обойтись без советов своих приказных людей. Они принадлежали к самой образованной части тогдашнего общества. Среди этих людей выделялся дьяк Иван Висковатый. Преобразованный им Посольский приказ стал одним из главных центральных ведомств страны. Редкие дарования Висковатого как бы запечатлелись в созданном им учреждении. Выходец из «худородной» семьи, Висковатый начал со службы в подьячих и достиг со временем высших постов в бюрократической иерархии. Иностранцы называли его канцлером.

Главным любимцем Ивана стал все же не Иван Висковатый, а Алексей Адашев-Ольгов.

Адашевы не принадлежали к знати. Никто из них не попал в 1550 г. в «тысячу лучших слуг», и только двое Ольговых значились в списках Государева двора по Костроме. Все прочие Ольговы служили в уездных дворянах и принадлежали к весьма заурядному провинциальному роду. Вспоминая о возвышении Адашева, царь Иван после смерти бывшего любимца писал, что тот в «юности нашей» «не вем каким обычаем из батожников водворишася» при царском дворе, «так, взяв сего от гноища и учинив с вельможами, а чающе от него прямые службы». В действительности А.Ф. Адашев попал ко двору благодаря успешной и длительной службе отца. Василий III упомянул в 1533 г. о посылке в Казань «ближнево своего человека Федора Одашова сына Олгова». В 1538-1539 гг. Адашев-старший ездил во главе русского посольства к турецкому султану; миссия закончилась успехом, за что он был пожалован в Москве.

Алексей Адашев из-за болезни вернулся в Россию годом позднее и тогда же был представлен великому князю. Признание Адашеву принесли, впрочем, не придворные успехи, а общественная деятельность.

С детства Иван проникся недоверием к окружающей его знати. Когда он подрос, его недоверие по временам прорывалось наружу. Алексей Адашев разительно отличался от сверстников, окружавших государя. Он был старше Ивана и успел посмотреть мир.

Великий князь выделил Алексея в толпе придворных до коронации и пожара. На свадьбе Ивана с Анастасией Романовой Адашев оказался в числе близких лиц. В бане с женихом мылись молодые придворные Юрий Глинский, Иван Мстиславский, Никита Романов, а вместе с ними Адашев. Двое первых были ближайшими родственниками царя. В самом ли деле Адашев был приглашен на свадьбу вследствие дружбы с монархом? Это сомнительно. По традиции на свадебный пир собиралась родня. Жена Адашева Анастасия происходила из рода дворян Сатиных. Видимо, Сатины были в родстве с Долматом Романовым, братом царицы. На помин души умершего в молодости Долмата дал вклад в Троицу сначала Алексей Адашев (1545), а потом Данила Романов (1547). На царской свадьбе Сатины стлали постель новобрачным, как видно, в силу родства с Романовой.

Можно предположить, что первыми шагами своей карьеры Адашев был обязан скорее всего родству с Романовыми-Захарьиными.

В 1547 г. боярство получили Иван Михайлович Юрьев-Захарьин, Григорий Юрьев-Захарьин, а окольными стали Данила Романов-Юрьев и Федор Григорьевич Адашев. Род Адашевых-Ольговых никогда не входил в думу, но для отца Алексея Адашева было сделано исключение.

Захарьины возглавили Большой и Тверской дворцы, а Федор Адашев – Угличский дворец, что было весьма высоким назначением.

В сентябре 1547 г. Иван поручил Адашеву отвезти в Троице-Сергиев монастырь 7000 рублей. Никогда ни один из русских монастырей не получал такого богатого вклада.

Для сравнения отметим, что Василий III «дал в Троицу по отце» 60 рублей. На помин души самого Василия III прислано было 500 рублей.

Для пожертвования у царя попросту не было особых поводов. Как же мог Казенный приказ выделить ему неслыханно большую сумму, при том что казна, как всегда, была пуста? Откуда взялись деньги?

Осенью 1546 г. Иван неожиданно проявил большой интерес к Новгороду Великому. 15 сентября он покинул столицу и уехал на богомолье, а затем – в Новгород и Псков.

В Москву он вернулся только 12 декабря. Пять дней спустя состоялось решение о коронации Ивана. Приготовления к торжественному акту требовали присутствия государя в столице. Но 28 декабря великий князь вновь объявился в Новгороде. Как видно, у него были какие-то неотложные дела.

Первое путешествие было мирным, во второй раз монарх прибыл с войском. (По данным новгородской летописи, князя сопровождали 4000 воинов, что, конечно, было большим

преувеличением). Очевидно, государь ждал сопротивления. Когда воинство прибыло в Новгород, все разъяснилось. Государь приказал схватить главного ключаря, а также и пономаря новгородского Софийского дома и подверг их мучительным пыткам. Очевидно, еще во время первого богомолья Иван узнал о том, что в стенах Софии в Новгороде замурована богатая сокровищница. Ключарь уверял, что ничего не знает. Но среди новгородцев все же нашелся человек, выдавший тайну.

Иван поднялся по лестнице, ведущей на хоры. Тут он велел ломать стену, и «просыпая велие сокровище, древние слитки в гривну, и в полтину, и в рубль, и насыпав возы и посла к Москве».

Летописец полагал, что в Софии хранилась сокровищница Владимира Великого. Но собор был построен много десятилетий спустя после смерти Владимира Святославича.

Наличие рублей позволяет датировать клад временем Новгородской республики.

Архиепископскую казну копили на протяжении столетий. Владыке удалось утаить ее от Ивана III, когда тот завоевал город.

Присвоение софийского клада поставило государя лицом к лицу с морально-религиозными проблемами. Казна была полной и неотъемлемой собственностью церкви. Покушение на церковное имущество считалось страшным святотатством. Бывший новгородский архиепископ Макарий никак не мог одобрить «грабление чужого имения», тем более ограбления новгородского Софийского дома.

Решение затянулось на много месяцев. И лишь в сентябре Иван, по-видимому, вернул церкви часть клада. Правда, деньги получили не новгородцы, а Троице-Сергиев монастырь. Вклад не имел адреса, а доставил его в монастырь любимец государя Адашев. Поскольку сокровища были привезены из Новгорода возами, можно заключить, что иноки получили лишь частицу присвоенного самодержцем богатства.

Царский вклад был признаком важных перемен в устроении молодого монарха.

Прежние богомолья отнюдь не были свидетельством благочестия подростка. Теперь Иван впервые задумался об ответственности за свои поступки, о Страшном Суде и спасении души.

ПЕРВАЯ ВОЙНА

В первый момент после крушения Золотой Орды казалось, что татарская сила больше никогда не соберется воедино. Однако после того как турки-османы покорили Крымское ханство, возникла реальная опасность соединения татарских юртов под эгидой Османской империи. При Иване III и Василии III Москве удалось на время подчинить своему влиянию Казанское ханство, но затем в Казани водворились крымские Гирей.

Казанская орда постоянно грабила Русь. Подвижные отряды татар разоряли пограничные уезды, доходили до Владимира, Костромы и даже Вологды. «От Крыма и от Казани, – писал царь Иван, – до полуземли пусто бяше». Захваченных на Руси «полоняников» татары обращали в рабство. Русских невольников продавали на рынках рабов в Астрахани, Крыму и Средней Азии.

Татарское нашествие надолго остановило миграцию славянского населения на Дон и Нижнюю Волгу. Расширение экономических связей между Русью и Ордой привело к возникновению в ордынской столице Сарае большой русской колонии. С разрешения хана русская митрополия основала в Орде епископство Сарайское и Подонское.

Кровавые усобицы, потрясшие Орду после ее распада, привели к запустению Сарая.

Сарайское епископство закрылось, а его епископ был отозван в Москву и поселен на Крутицах. Но приток русского населения на ордынские земли не прекратился, а усилился. В XVI в. Россия многократно страдала от катастрофических неурожаев и голода. Бедствия вели к массовому бегству русских людей в степи – «Дикое поле».

Беглецы селились на речных островах, в гористых местностях наподобие волжских Жигулей и в других местах, недоступных для степных кочевников. Население степных «станиц» было этнически неоднородным. Поначалу в них преобладали татары, по разным причинам вынужденные покинуть родные места и скрываться от власти. Сами названия – «казак», «атаман», «есаул» – имели сугубо татарское происхождение. Со временем подле татар появилось более многочисленное славянское население.

Бегство в степь вело к отказу от привычного уклада жизни. Казаки не пахали землю, потому что кочевые орды могли обнаружить их поля и уничтожить посевы и их владельцев. Отказ от земледелия объяснялся и тем, что среди беглецов было много холопов, не знавших крестьянского труда.

Вольные казаки не держали лошадей, а их главным занятием было рыболовство. В случае опасности они спасались от татарской конницы на своих быстроходных стругах (судах). Казаки промышляли войной и грабежом. Вольница постоянно тревожила Орду нападениями, угоняла у кочевников стада. Казаки избирали своих предводителей и решали дела на «круге» (общем собрании). Вольная колонизация степей опережала правительственную колонизацию. Ко времени Ивана IV казаки основали свои станицы по всему течению Дона и Нижней Волги. Станичники не признавали над собой власти царя, но, когда русские полки появились в Нижнем Поволжье, казаки оказали им неоценимую помощь.

Казанское ханство отличалось внутренней непрочностью. Покоренные татарами разноязычные народы Поволжья: чуваша, мордва, мари, удмурты, башкиры – ждали случая избавиться от татарской власти.

Церковное руководство старалось придать войне с казанцами характер священной борьбы против неверных «агарян». Среди дворян планы завоевания Казани приобрели широкую популярность. «Подрайская» Казанская земля давно привлекала их взоры.

Выражая настроения служилых людей, Иван Пересветов писал: мы много удивимся тому, что «великий сильный царь долго терпит под пазухой такую землю и кручину от нее велику

принимает; хотя бы таковая земля была и в дружбе была, ино было ей не мочно терпети за такое угодие».

Плотородие «подрайской» Казанской земли – вот что влекло русских в Поволжье.

Дворяне рассчитывали на то, что война принесет им богатую добычу и казанские поместья.

После коронации Ивана IV русское правительство выдвинуло план военного покорения Казанской земли. 20 декабря 1547 г. царь покинул Москву, чтобы возглавить поход в Поволжье. То была его первая серьезная военная кампания. Ранняя оттепель помешала воеводам переправить за Волгу артиллерию. На переправе много пушек и пищалей ушло под лед. Войска понесли потери до того, как вступили в бой с татарами. Немало ратников нашли смерть, провалившись в полыньи.

Решено было отослать царя с переправ в Нижний Новгород. Иван вернулся «со многими слезами». Главные воеводы подошли к Казани и вступили в бой с поджидавшим их в поле казанским войском. В бою участвовал один передовой полк.

Тем не менее победа была полной. Казанский хан не выдержал атаки и отступил в крепость. Без пушек о штурме Казани нечего было и думать. После семи дней осады русская рать отступила.

Иван вернулся в Москву 7 марта 1548 г. Бесславное окончание войны с басурманами наводило на мысль о наказании Божиим за грехи. Во искупление грехов государь в июне пешком отправился на богомолье в Троице-Сергиев монастырь. С ним шли царица Анастасия и брат Юрий. Монахи удостоились щедрой милостыни.

УЧИТЕЛЬ ЖИЗНИ

Значительную роль в жизни Ивана IV суждено было сыграть священнику Сильвестру, новгородцу родом. Неизвестно, когда он переехал в Москву. Во всяком случае, произошло это ранее 1545-1546 гг. Сильвестр получил место в кремлевском Благовещенском соборе, вероятно, благодаря покровительству Макария, знавшего Сильвестра по Новгороду.

Благовещенский собор был семейным храмом царской семьи. Неудивительно, что скромному священнику удалось близко познакомиться с государем.

Благовещенский поп, «последняя нищета, грешный, неключимый, непотребный раб Сильвестришко» (так скромно именовал себя священник), выделялся своим бескорыстием в толпе сребролюбивых князей церкви. Положение при дворе открыло перед ним блистательные перспективы. При его влиянии он без труда мог занять доходное епископское место или пост настоятеля монастыря. Но он никогда не умел устроить своих дел. После пожара Сильвестр имел возможность получить «протопопствие» и даже официальный пост царского духовника, но не воспользовался случаем. Начав карьеру священником Благовещенского собора, он закончил жизнь в том же чине.

Новгородец Сильвестр принадлежал к образованным кругам духовенства. Он имел большую библиотеку. Некоторые книги он получил от Ивана IV из царского книгохранилища.

Грозный немало обязан был Сильвестру своими успехами в образовании. Но после разрыва царь перестал признавать умственное превосходство бывшего наставника и наградил его нелестным прозвищем – «поп-невежа». Этот эпитет свидетельствовал скорее о раздражении царя, нежели о невежестве Сильвестра.

Известно, что Сильвестр составил или, во всяком случае, отредактировал знаменитый «Домострой». Формально он посвятил этот сборник наставлений своему сыну Анфиму. Но имеются основания предполагать, что Сильвестр имел в виду также и молодого царя. Иван IV, только вставший на стезю семейной жизни, нуждался в советах, тем более что он сам рос сиротой. На первых страницах «Домостроя» Сильвестр учил вере в Бога и тут же переходил к теме, «како чтити детем отца духовнаго и повиноваться им во всем». Обязанности Ивана IV по отношению к его отцу духовному были расписаны во всех подробностях. Питомцу надлежало призывать духовника «к себе в дом часто», к нему приходите и приношение ему давати «по силе», советоваться с ним часто «о житии полезном», «како учити и любити мужу жену свою», как каяться, как покоряться перед духовником во всем, а если духовник будет о ком-нибудь «печаловатися», как его «послушаться». Припоминая свои взаимоотношения с Сильвестром, царь писал много лет спустя, что, следуя библейской заповеди, покорился благому наставнику без всяких рассуждений. Через «Домострой» наставник действительно старался всесторонне регламентировать жизнь государя: учил, как следует посещать церкви, вершить всевозможные житейские дела. Придет время, и царь будет жаловаться на притеснения, которым Сильвестр подвергал его во время богомолий и на отдыхе. Как видно, поп был учителем строгим и требовательным. Когда ученик восстал против авторитета священника, он произнес много горьких слов. При Сильвестре, сетовал царь, даже в малейших и незначительных делах «мне ни в чем не давали воли: как обуваться, как спать – все было по желанию наставников, я же был как младенец». Что бы ни говорил питомец много лет спустя, пора ученичества не прошла для него бесследно.

Благовещенский поп обратил на себя внимание царя в дни московского пожара. В то время как придворные старались «ласкательством» завоевать расположение молодого царя, Сильвестр (по словам Курбского) избрал роль пророка, сурового пастыря и обличителя, не боявшегося сказать правду в лицо. В дни бедствий священник явился перед Иваном, «претящее ему от Бога священными писаньми и заклинающе его Страшным Божиим Судом». Ради

спасения царя поп «кусательными словесы нападающе» на него, как бритвою «режуще» непохвальные нравы питомца.

Курбский изобразил взаимоотношения «блаженного» пастыря и закоренелого грешника Ивана в традициях житийной литературы. Но суть дела он уловил верно.

«Кусательные слова» царь не забыл до последних дней жизни. В юности Грозный терпел и даже ценил резкость наставника, зато после разрыва с ним воспоминания о пережитых унижениях стали для царя источником невыносимых душевных терзаний.

Сильвестр принадлежал к числу глубоко верующих людей. У него случались галлюцинации, он слышал небесные голоса, ему являлись видения. В придворной среде немало злословили по поводу новоявленного пророка. Даже Курбский, хваливший царского наставника, смеялся над его «чудесами». По словам этого писателя, Сильвестр злоупотреблял легковерием Ивана, рассказывая ему о своих видениях («аки бы явление от Бога»). Не знаю, замечает Курбский, были эти чудеса истинными или же учитель выдумывал их ради того, чтобы напустить на ученика «мечтательные страхи», унять его буйства и исправить «неистовый нрав».

Первоначально наставник ограничивался поучениями житейского толка. Лишь сближение с главным деятелем реформ Алексеем Адашевым открыло перед Сильвестром более широкое поле деятельности.

Рассказы Сильвестра производили на Ивана потрясающее впечатление. Священник зажег в его душе искру религиозного чувства. Иван увлекся религией и вскоре преуспел в своем увлечении. Он ревностно исполнял все церковные обряды. В минуты нервного напряжения он получал знаки свыше. Под стенами Казани перед последним штурмом 23-летний царь после многочасовой молитвы явственно услышал звон колоколов столичного Симонова монастыря.

Были обстоятельства, объясняющие меру влияния Сильвестра на воспитанника.

Достигнув совершеннолетия, Иван IV далеко не сразу приноровился к роли самодержца. Дела управления не давались ему. Казалось, что он попал не на свое место.

Сильвестр был тем человеком, который помог Ивану осознать свою роль. В своих посланиях пастырь благословлял избранного Богом монарха, «самодержца вечна, православныя веры истинного наставника, на Божия враги крепкого борителя, Христовы церкви столпа неколебимого». Священник внушал Ивану мысль о его исторической миссии, состоявшей в защите и утверждении истинной веры по всему свету. Покорение Казани, учил Сильвестр, есть лишь исполнение Божественной воли, «зело бо хочет сего Бог, дабы вся вселенная наполнилася православия».

Сильвестр выражал убеждение, что московский царь осенен той же благодатью, что и Константин Великий, утвердивший христианство в Византии. Самодержец всея Руси Иван «Божиею благодатию уподобися царю Костянтину, тою же царскою багрянницею обложен есть, те же правоверния хоругви в руку своюю благочестно содержит».

Послание Сильвестра царю было написано, бесспорно, под впечатлением победы над Казанью. Учитель старался внушить самодержцу, что его ждут громкие победы над неверными: «...и поклонятца тебе все царие земстии и вси языци поработают тебе».

После великого московского пожара 17-летний Иван дал Сильвестру первое личное поручение. Священник должен был восстановить роспись кремлевских соборов, пострадавшую от огня. Сильвестр вызвал иконописцев из родного города и, «доложа царя государя», велел им браться за дело. Стены Золотой палаты покрылись нравоучительными картинами, изображавшими юношу царя в образе то справедливого судьи, то храброго воина, то щедрого правителя, раздающего нищим золотники.

Средствами живописи Сильвестр надеялся оказать воздействие на эмоции питомца и вскоре преуспел в этом.

Священник вел беседы и писал послания Ивану, посвященные разнообразным темам.

Одной из них была тема «содомского греха». Царь не должен позволять своим придворным и дьякам «в такое безстудие уклонятца»: «искорениши... содомский грех и любовников отлучиши, без труда спасеши».

Сильвестр старался убедить царя в том, что ему нужно новое, благонравное и беспорочное окружение, достойное великих деяний. И пожар, и междоусобица (мятеж), и заблуждения людские – все это ниспослано Богом в наказание за грехи.

«И тебе, великому государю, – увещевал пастырь, – которая похвала в твоей великой области множество Божиих людей заблудша? И на ком то вся взыщет?»

Государю пора осознать свою ответственность за все непотребства, происходящие в царстве: «Вся сия законопреступления хочет Бог тобою исправить».

Мысль о божественном происхождении царской власти много значила для Ивана. Он никогда бы не простил советнику обличений, если бы не это обстоятельство.

Церковь сыграла выдающуюся роль в обосновании политической теории самодержавия.

РЕФОРМЫ

Война с Казанью наложила печать на ход преобразований в России. Мирная пауза, длившаяся с весны 1548 г. до конца 1549 г., оживила деятельность реформаторов.

Церковное руководство опередило светскую власть. В 1549 г. митрополит Макарий провел второй собор, пополнив список общерусских святых новыми именами.

Представление, будто у истоков перемен стояло дворянское правительство, едва ли верно. Сколь бы значительны ни были перестановки в правящих верхах, не они определили ход и направление преобразований.

Москва завершила объединение русских земель в конце XV – начале XVI в. Управлять обширным государством с помощью архаических институтов и учреждений, сложившихся в мелких княжествах в период раздробленности, оказалось невозможно. Любое правительство должно было, рано или поздно, начать перестройку институтов государственного управления.

Такие реформаторы, как Адашев или Висковатый, были обязаны карьерой не только милостям государя, но еще больше удачной службе в приказах – новых органах центрального управления.

Адашев служил в Казенном приказе, где получил думный чин казначея. Боярская дума раскрыла перед ним свои двери.

Порожденная процессом политической централизации, высшая приказная бюрократия не случайно стала проводником идеи преобразования государственного аппарата.

Адашевский кружок осуществил эту идею на практике. Реформы явились важной вехой в политическом развитии страны. В кремлевские терема пришли новые люди.

Знакомство с ними составило целую эпоху в жизни Ивана. Перед Иваном раскрылись неведомые ранее горизонты общественной деятельности. Приближалась пора зрелости.

Скрытая неприязнь царя к «великим боярам» получила новую пищу и новое направление. Реформаторы впервые заявили о себе после созыва так называемого «собора примирения» 1549 г. Помимо Боярской думы и церковного руководства на этом совещании присутствовали также воеводы и дети боярские. Выступая перед участниками собора, 18-летний царь публично заявил о необходимости перемен. Свою речь он начал с угроз по адресу бояр-кормленщиков, притеснявших детей боярских и «христиан», чинивших служилым людям обиды великие в землях. Обличая злоупотребления своих вельмож, Иван возложил на них ответственность за дворянское оскудение.

Критика боярских злоупотреблений, одобренная свыше и как бы возведенная в ранг официальной доктрины, способствовала пробуждению общественной мысли в России.

Настала неповторимая, но краткая пора расцвета русской публицистики. Прожектеры приступили к обсуждению назревших проблем преобразования общества. Одним из самых ярких публицистов той поры был Иван Семенович Пересветов. Он родился в Литве в семье мелкого шляхтича и исколесил почти всю Юго-Восточную Европу, прежде чем попал на Русь. Уцелевшие члены семибоярщины еще располагали в то время некоторым влиянием в Москве. Один из них, Михаил Юрьев, обратил на Пересветова внимание после того, как ознакомился с его проектом перевооружения московской конницы щитами македонского образца. (Как видно, обстановка не благоприятствовала составлению более широких преобразовательных проектов.) Как бы то ни было, Пересветов заручился поддержкой Юрьева и устроил свои материальные дела. После смерти покровителя приезжий дворянин впал в нищету.

Наступивший период боярского правления стал в глазах Пересветова олицетворением всех общественных зол, которые губили простых «воинников» и грозили полной гибелью царству.

Проведя многие годы в бедности, Пересветов мгновенно оценил благоприятные возможности, связанные с наметившимся поворотом к реформам. Улучив момент, прожектор подал царю свои знаменитые челобитные. Простой «воинник» оказался одним из самых талантливых писателей, выступивших с обоснованием идеологии самодержавия. Не смея прямо критиковать московские порядки, что было делом небезопасным, Пересветов прибегнул к аллегориям и описал в качестве идеального образца грозную Османскую империю, построенную на обломках греческого царства.

Православное греческое царство царя Константина, рассуждал публицист, погибло из-за вельмож, из-за «ленивых богатинов», зато царство Магомет-Салтана процветает благодаря его «воинникам», которыми он «силен и славен». Воззрения Пересветова поражали современников своей широтой, в некоторых отношениях он обгонял свое время. Публицист писал, что о поступках людей надо судить по их «правде», ибо «Бог не веру любит, а правду». Он призывал освободить «похолопленных» воинов. «Которая земля порабощена, – замечал писатель, – в той земле зло сотворяется... всему царству оскудение великое».

По мнению Пересветова, только вольная служба воинников делает царское войско боеспособным: «В котором царстве люди порабощены, и в том царстве люди не храбры и к бою не смелы против недруга: они бо есть порабощены, и тот срама не боится, а чести себе не добывает, а рече тако: „Хотя и богатырь или не богатырь, однако есми холоп государев, иного имени не прибудет“. Смысл приведенной речи Магомет-Салтана таков: „воинник“ не должен быть холопом ни у кого, даже у государя. Порабощенным „воинникам“ надо вернуть свободу.

Едва ли можно назвать Пересветова идеологом дворянства. Дворянское сословие было по преимуществу сословием землевладельцев. Пересветов же обходил полным молчанием вопрос о земельном обеспечении служилых людей. Между тем именно этот «великий вопрос» более всего волновал дворянство.

Пересветов описывал как образцовую военную организацию Магомет-Салтана. Но при ближайшем рассмотрении его идеал некоторыми чертами напоминает наемное войско Западной Европы. Публицист предполагал, что «воинников» (как и наемных солдат) достаточно обеспечить жалованьем. Необходимые денежные средства можно получить от горожан при условии введения твердых цен на городских рынках. Как иностранцу Пересветову осталась чуждой московская военно-служилая система, основанная на принципе обязательной службы дворян с земли. Публицист советовал царю быть щедрым к «воинникам» («что царская щедрость до воинников, то его и мудрость») и призывал «грозу» на голову изменников-вельмож.

Он смело протестовал против боярского засилья в России. Дерзкие обличения по адресу высших сановников государства – бояр – неизбежно привели бы безвестного шляхтича в тюрьму или на плаху, если бы за его спиной не стояли новые покровители – партия реформ. Молодой Иван IV стал своего рода рупором нового направления.

В 1549 г. «собор примирения» принял решение о том, чтобы исправить Судебник «по старине». Приказы приступили к делу немедленно, и к июню 1550 г. работа была завершена.

В России управление и суд не были разделены и осуществлялись одними и теми же лицами – боярами и волостелями. В суде процветали взяточничество и произвол.

Царский Судебник должен был положить конец таким порядкам: «А судом не дружити и не мстити никому, и посула в суде не имати. Также и всякому судье посула в суде не имати». Закон устанавливал наказание для всех чиновников, уличенных во взятках.

До принятия Судебника запутанные дела, зашедшие в тупик, могли завершиться «полем», то есть поединком спорящих сторон. Кто побеждал в бою, тот и считался правым по принципу «Бог правду любит». Новый свод законов ограничивал устаревший порядок.

Средневековое судопроизводство исходило из того, что признание служит достаточным доказательством преступления. Если подсудимого обвиняли в государственной измене, в ход пускали кнут и дыбу. Попытки помогали получить необходимое признание.

Судебник защищал «честь» любого члена общества, но штрафы за бесчестье были неодинаковыми. Обидчик должен был платить за бесчестье купца 50 руб., посадского человека – 5 руб. Бесчестье крестьянина оценивалось в 1 руб.

Судебник устанавливал порядок законодательства в России «с государева доклада (дьяки докладывали дело царю) и с приговора всех бояр» (Боярская дума утверждала закон на своем заседании). Составители Судебника не внесли изменений в те законы государства, которые определяли взаимоотношения землевладельцев и крестьян. Нормы Юрьева дня были сохранены без больших перемен. Крестьяне по-прежнему могли покинуть поместье в течение двух недель на исходе осени.

Свое внимание законодатели сосредоточили на устройстве управления. Новый Судебник ускорил формирование приказов, расширил функции приказной бюрократии, несколько ограничил власть наместников-кормленщиков на местах. Новые статьи Судебника предусматривали непременно участие выборных земских властей – старост и «лучших людей» – в наместничьем суде.

Кто был инициатором начавшихся преобразований? Называют имена разных лиц: митрополита Макария, Сильвестра, Адашева, наконец, самого царя. Судить об этом можно на основании одной из первых реформ. Она имела целью упорядочение местничества.

Военный опыт России подсказал властям, что местничество не отвечает требовавшим времени. Назначения на высшие воеводские посты по принципу «породы», «отечества» (знатности. – *Р.С.*) приводили на поле брани подчас к катастрофическим последствиям. Однако местничество ограждало привилегии верхов правящего слоя, и Боярская дума слышать не желала об упразднении местнических порядков. Чтобы преодолеть традицию и добиться послушания от думы, власти решили использовать авторитет церкви. В конце 1549 г. Макарий прибыл во Владимир, где находился Иван IV с полками, и обратился к воинству со словами: «А государь вас за службу хочет жаловати, и за отечество беречи, и вы бы служили... а розни бы и мест никако же межю вас не было...» Упоминание о бережении «за отечество», или породу, должно было успокоить знатных воевод.

Месяц спустя власти утвердили приговор о запрещении местнических тяжб на время похода. Царь обещал рассмотреть все споры по возвращении из-под Казани.

Приговор 1549 г. невозможно считать реформой. Он оставлял местнические порядки в неприкосновенности. Настоящие реформы начались в 1550 г., когда на свет появились новые законы. Отныне царь мог назначать в товарищи к главнокомандующему, непременно самому «породистому» из бояр, менее знатного, но зато более храброго и опытного воеводу. Местничать с ним воспрещалось.

Первым, кто воспользовался новым законом, был отец Алексея Адашева Федор. Весной 1551 г. он получил пост третьего воеводы в большом полку боярина Семена Микулинского, посланного строить крепость в Свияжске. Пересветов предлагал полностью отменить местничество. Алексей Адашев довольствовался тем, что было в пределах возможного.

В реформе местничества борьба за расширение сословных привилегий дворянства сочеталась с интересами карьеры семейства Адашева.

В глазах Алексея Адашева первые преобразования имели особую цену. Недаром перед самой отставкой он воскресил в памяти свой успех и не к месту включил отчет о реформе в последние тома летописи, над которыми тогда работал. «А воевод, – писал он, – государь прибирает, разсуждая их отечество и хто того дородитца, хто может ратной обычай сдержати». Рассуждения Адашева были далеки от радикальных требований Пересветова о полном искоренении местничества. Его реформы сохранили незабываемыми местнические порядки и лишь внесли в них поправки.

В связи с упорядочением административной и военной службы правительство предполагало отобрать из знати и дворянства тысячу «лучших слуг» и наделить их поместьями в

Подмосковье. Будучи поблизости от столицы, «лучшие слуги» в любой момент могли быть вызваны в Москву для ответственных служебных поручений.

Подготавливавшаяся реформа должна была приобщить цвет дворянства к делам управления.

В соответствии с царским указом постоянную службу в столице должны были нести более 600 «лучших слуг» из московских городов и более 300 помещиков из Новгорода и Пскова. Новгородские помещики, зачисленные в «лучшую тысячу», обладали привилегией проходить службу в столице по дворовым спискам. В какой мере они могли воспользоваться этой привилегией, трудно сказать. Дворовая служба всегда была службой при особе государя и требовала присутствия дворянина в царствующем граде. Служить в Москве новгородцам мешала отдаленность их города, плохое состояние дорог и война в Прибалтике, поглощавшая все силы новгородского ополчения.

В целях укрепления вооруженных сил правительство Адашева приступило к организации постоянного стрелецкого войска и сформировало трехтысячный стрелецкий отряд для личной охраны царя. Стрелецкие войска зарекомендовали себя с лучшей стороны в военных кампаниях ближайших лет.

Участие в Казанской войне оказало, быть может, самое глубокое влияние на формирование личности Грозного. Война не позволяла самодержцу отгородиться от жизни. Со старыми привычками пришлось расстаться. Государь не приказывал больше разгонять челобитчиков или палить им бороды.

В дни третьего Казанского похода в лагере под Коломной заволновались новгородские дети боярские: «Многу же несогласию бывшу в людех, дети боярские ноугородцы государю стужаючи, а бият челом», требуя, чтобы их распустили по домам.

Войска отправлялись в поход, не имея при себе обозов с продовольствием.

Новгородские помещики были вызваны в Москву весной, и к исходу лета у них кончились запасы. Нужда подрывала боеспособность конного ополчения.

Власти были в затруднении: «Государю же о сем не мала скорбь, но велия бысть, еже так неудобно вещают». Монарх усвоил некоторые навыки управления. Он принял челобитные от детей боярских, «также велит и о нуждах вспросити, да и вперед у ведает государь всех людей своих недостатки». Челобитчики стали жаловаться на то, что оскудели землями – «многие безпоместные».

Волнения новгородцев показали царю, сколь важно обеспечить помещиков землями.

Фонд государственных поместных земель был давно исчерпан, и власти поневоле обратили взоры в сторону церкви.

В 1551 г. митрополит Макарий взялся за «церковное устройство». Новое руководство использовало момент, чтобы взять инициативу в свои руки. Едва высшее духовенство собралось на совет (собор), монарх передал им свое «рукописание» – заранее подготовленные вопросы. Пока дьяки зачитывали царские вопросы, Иван сидел «на царском своем престоле, молчанию глубокому устроившуся». Реформаторы рассчитывали повернуть работу Священного собора в нужное русло и соединить земское устройство с «многообразным церковным исправлением». Собор изложил свои решения в ста пунктах, или главах, отчего получил наименование Стоглавого собора.

Собор стал важной вехой в истории русской церкви, так как его решения ускорили процесс консолидации духовенства как особого сословия. Реформа не ослабила зависимости епископата от царской власти.

«Царские вопросы» к Стоглавому собору показывают, сколь глубоко захвачен был Иван IV преобразовательным течением. Споры, рожденные проектами реформ, и первые попытки их осуществления стали той практической школой, которой так недоставало Ивану. Они шлифовали его пытливый от природы ум и формировали его как государственного деятеля.

По крайней мере пять царских вопросов были посвящены теме, которой власти придавали исключительное значение: как возратить в казну выбывшие «из службы» земли и обеспечить поместьями оскудевших дворян. Аргументируя необходимость земельного «передела», Иван указывал на то, что в годы боярского правления многие бояре и дворяне обзавелись землями и кормлениями «не по службе», а другие оскудели: «у которых отцов было поместья на сто четвертей, ино за детми ныне втрое, а иной голоден». Обращаясь к митрополиту, царь просил рассмотреть, каковы «вотчины и поместья и кормления» у бояр и дворян и как они «с них служили», и приговорить «недостальных как пожаловати».

Проекты «землемерия» приобрели широкую популярность в среде дворянства.

Земельные богатства духовенства давно возбуждали зависть у светских землевладельцев. В центральных уездах страны монастыри успели завладеть многими землями. Ни в одной стране, писали иностранцы, не было такого количества монастырей и монашествующей братии, как в России того времени. На Стоглавом соборе правительство открыто поставило вопрос о дальнейших судьбах монастырского землевладения. Государь обратился к членам собора с многозначительным вопросом: «Достойно ли монастырям приобретать земли?»

Покушение на имущество церкви натолкнулось на решительное противодействие осифлян (иосифлян). Так называли себя последователи Иосифа Санина, игумена Иосифо-Волоколамского монастыря. Иосиф был сторонником могущественной и богатой церкви. Противоположного взгляда на предназначение монашества придерживался Нил Сорский, вождь нестяжателей. Последователями Нила были Артемий и другие старцы из заволжских скитов. Они жили в пустынях, разбросанных в глухих лесистых местах вокруг Кирилло-Белозерского монастыря.

Нил Сорский и его последователи учили чернецов жить «нестяжательно», не владеть имуществом и кормиться своим «рукоделием». Нестяжатели допускали известную свободу в толковании Священного Писания и отвергали методы инквизиции. Они с сомнением отнеслись к реформе, проведенной Макарием, и не верили в «новых чудотворцев».

В середине XVI в. появились церковные сочинения, излагавшие взгляды Нила Сорского на монастырские богатства. Автор одного из таких сочинений, озаглавленного «Письмо о нелюбках», утверждал, будто в 1503 г. Нил потребовал от Священного собора, «чтобы у монастырей сел не было». Такое истолкование слов Нила отвечало видам светской власти.

В 1551 г. Иван IV рассчитывал провести земельную реформу, опираясь на авторитет Артемия и других заволжских старцев. Если бы Артемий истолковал учение Нила Сорского в том же духе, что и автор «Письма о нелюбках», власти получили бы в свои руки мощное средство давления на членов собора. Но Артемий не склонен был искажать воззрения Нила в угоду властям предрежащим. Позже он говорил на суде:

«Все ныне съгласно враждуют, будтось аз говорил и писал тебе села отнимати у монастырей... а оттого мню, государь, что аз тебе писал на собор, извещая разум свой, а не говаривал есми им о том, ни тебе не советую нужению и властью творити что таково». Подобно учителю, Артемий отвергал мысль о насильственном отчуждении земель у монастырей и всецело полагался на то, что иноки осознают греховность своего жития и передадут села царю по доброй воле. Позиция заволжских старцев разочаровала Ивана и его окружение.

Реформаторам удалось лишь частично осуществить свои замыслы. В мае 1551 г. был издан указ о конфискации всех земель и угодий, переданных Боярской думой епископам и монастырям после смерти Василия III. Закон запрещал церкви приобретать новые земли без доклада правительству. Задавшись целью воспрепятствовать выходу земель «из службы», власти ввели некоторые ограничения в отношении княжеско-вотчинного землевладения. Князьям воспрещалось продавать и отказывать свои вотчины в пользу церкви без особого на то разрешения. Земли, уже переданные монастырям без доклада, подлежали конфискации для последующей раздачи в поместье.

Власти искали всевозможные средства для того, чтобы пополнить фонд государственной собственности. Они не осмелились применить в Московской земле новгородский опыт экспроприации боярщин, но пытались использовать в интересах казны процесс разложения и распада крупного княжеско-боярского землевладения.

В 1551 г. власти подтвердили традиционный порядок отчуждения родовых княжеских вотчин. Приговор гласил: «А Суздальские князи, и Ярославские князи, да Стародубские князи без царева и великого князя ведома вотчин своих мимо вотчичь не продавати никому же, и в монастыри по душам не давати». Правительство заявило о своем намерении взять под контроль все сделки на наследственные владения Суздальских, Ярославских и Стародубских князей. Любое отступление от этого принципа влекло за собой отчуждение княжеской вотчины в казну: «А кто вотчину свою без царя и великого князя ведома чрез сесь указ кому продаст, и у купца деньги пропали, а вотчичь вотчины лишен». Конфискованные вотчины надлежало забрать на государя, «да те вотчины отдавать в поместье». Цель нового законодательства заключалась не в консервации удельной старины, как полагают некоторые исследователи, а в расширении фонда государственной земельной собственности, опоры всей военно-служилой системы Московского государства.

Осуществление нового земельного законодательства позволило правительству несколько пополнить фонд поместных земель за счет церковных и отчасти княжеских вотчин. И все же основные земельные богатства монастырей остались нетронутыми.

Церкви удалось отстоять земельные владения, но она должна была поступиться значительной частью своих податных привилегий – «тарханов».

Со времен раздробленности обладатели «тарханов» – знать и князья церкви – не платили в казну податей с принадлежавших им земель. Приступив к реформам, власти задались целью ограничить действие «тарханов». Царский Судебник предписывал «тарханных вперед не давати никому, а старые тарханные грамоты поимати у всех».

Действие нового закона испытали на себе привилегированные землевладельцы и светского и духовного чина.

Власти довершили реформу податного обложения, объявив о введении «большой сохи».

Размеры этой окладной единицы определялись сословной принадлежностью землевладельца. Черносошные (государственные) крестьяне оплачивали соху в 500, церковные феодалы – в 600, служилые землевладельцы и дворец – в 800 четвертей «доброй земли». Таким образом, дворяне получили ощутимые налоговые льготы по сравнению с духовенством и особенно крестьянами.

Меры против «тарханов» подрывали систему податного иммунитета и шли навстречу требованиям дворянства.

ВЗЯТИЕ КАЗАНИ

В декабре 1549 г. русские предприняли новое наступление на Казань. 12 февраля 1550 г. царь впервые появился у стен татарской столицы. После обстрела крепости из орудий войска пошли на общий штурм, но успеха не добились. Простояв одиннадцать дней под Казанью, Иван по совету бояр отступил.

Вслед за тем царские воеводы построили крепость Свияжск на высоком правом берегу Волги, в двадцати верстах от Казани, на землях «горных черемисов» – чувашей. Местное население признало власть царя. В самой Казани взяли верх сторонники мира с русскими.

Москва согласилась на мир, но продиктовала казанцам свои условия. Иван IV немедленно направил в Казань своего личного представителя – Алексея Адашева.

Казанский трон в августе 1551 г. занял московский ставленник хан Шах-Али. Вместе с ним в татарскую столицу явились боярин Иван Хабаров и дьяк Иван Выродков. В ханском дворце разместилась охрана – 200 московских стрельцов. Татары освободили 2700 русских пленных.

Власть служилого хана над Казанью была непрочной. Но по замыслам русского правительства ему отводилась роль троянского коня. К хану прибыл Алексей Адашев с секретной миссией. Не смея ослушаться царской воли, Шах-Али обязался «лихих людей побити, а иных казанцов вывести, а пушки и пищали перепортити, и зелие не оставити». Лихими людьми в Казани были сторонники Крыма и Турции.

Адашев ездил в Казань дважды. Русским удалось привлечь на свою сторону многих татарских вельмож. Шах-Али съехал из города под охраной стрельцов. Его должен был сменить воевода князь Семен Микулинский, назначенный наместником Казани.

Однако в городе произошли волнения. Народ перебил русских детей боярских и не пустил в город царского воеводу.

Казанский край был вновь охвачен пламенем войны. С весны 1552 г. армия стала готовиться к выступлению в поход. Боярская дума настаивала на том, чтобы Иван поручил командование опытным воеводам, а сам оставался дома. Царь отверг этот совет и лично возглавил полки.

Передовые силы русского войска сосредоточились в Свияжске заблаговременно. Ими командовал князь Александр Горбатый, талантливый и опытный воевода. Внезапное вторжение Крымской орды едва не расстроило планы военного командования. Крымцы появились под Тулой, в непосредственной близости от Москвы. Воеводы отразили атаку татар от стен крепости, а затем разгромили их арьергарды на реке Шиворонь. 23 августа 1552 г. московские полки приступили к осаде Казани. Город, расположенный на высоком, обрывистом холме у реки Казанки, был защищен мощными дубовыми стенами и рвом. Крепость служила резиденцией хана и его знати. Она не могла вместить большой гарнизон. Ко времени осады Орда с кибитками и табунами продолжала кочевать в окрестностях татарской столицы. Передовые силы русского войска наблюдали за передвижениями Орды и старались предотвратить ее нападение на русский осадный лагерь.

В начале кампании умелые действия воеводы Горбатого обеспечили успех осадных работ. Когда укрепленный лагерь был построен, Горбатый разгромил Орду в битве на Арском поле. Татары произвели вылазку из крепости, но Орда не смогла подкрепить их натиск ударом с тыла.

В конце августа русские подвергли бомбардировке укрепления Казани. Против главных Царевых ворот они выстроили трехъярусную осадную башню, достигавшую 15-метровой высоты. Установленные на ней орудия вели по городу убийственный огонь. Минных дел мастера подвели под крепостные стены глубокие подкопы. Взрыв порохового заряда разрушил

колодцы, питавшие город водой. 2 октября последовал общий штурм крепости. На узких и кривых улицах города завязалась кровопролитная битва. Татарская столица пала.

Под стенами Казани более всех отличился воевода князь Александр Горбатый-Суздальский. Участник казанского взятия Курбский называл его великим гетманом царской армии. Через несколько месяцев после окончания похода Сильвестр с ведома царя обратился к Горбатову с посланием, в котором писал, что Казань взята «царским повелением, а вашим храбрством и мужеством, наипаче твоим крепким воеводством и сподручными ти».

Даже недоброжелатели признавали, что Иван IV, будучи одним из ревностных поборников Казанской войны, много раз, не щадя здоровья, ополчался на врагов. Но в целом 22-летний царь довольствовался почетной, но на деле второстепенной ролью. В первые дни осады он участвовал в расстановке полков, ездил «во все дни и в ночи» вокруг татарской крепости. По решению боярского совета государев полк решено было ввести в сражение в момент решающего штурма – 2 октября. В тот день Иван усердно молился в походной церкви. Дважды воеводы присылали к Ивану с напоминанием, что ему пора выступить. Но монарх не пожелал прервать молитву.

Когда государев полк появился наконец под стенами крепости, на них уже подняты были хоругви. Промедление Ивана дало пищу для неблагоприятных толков. По словам Курбского, в критический момент воеводы приказали развернуть государеву хоругвь у главных ворот «и самого царя, хотяща и не хотяща, за бразды коня взяв, близ хоругви поставиша».

Во время всех трех казанских кампаний Иван должен был повиноваться распоряжениям великих бояр, к которым он не питал доверия. На третий день после падения Казани самодержец, как вспоминал Курбский, произнес: «Ныне оборонил мя Бог от вас!»

Одаренный от природы умом и наблюдательностью, Иван понимал двусмысленность своего положения, полную зависимость от собственной аристократии.

Боярский совет настоятельно советовал Ивану не покидать Казань, чтобы довершить победу и окончательно замирить край. Но на этот раз царь не послушал «ипатов и стратигов». Он спешил в Москву. Прошло долгих четыре года, прежде чем русским удалось привести в покорность народы Поволжья и справиться с «казанским возмущением».

Вслед за Казанью царские войска овладели Астраханью. Разгром Казанского и Астраханского ханств положил конец трехвековому господству татар в Поволжье. В сферу русского влияния попала обширная территория от Поволжья до Северного Кавказа и Сибири. Башкиры объявили о добровольном присоединении к России.

Вассалами царя признали себя правители Большой Ногайской орды и Сибирского ханства, пятигорские князья и Кабарда на Северном Кавказе.

Успехи на Востоке имели большое значение для исторических судеб России.

Овладение всем волжским торговым путем открыло перед Россией богатые восточные рынки и способствовало оживлению ее внешней торговли. Началась интенсивная колонизация русским крестьянством плодородных земель Среднего Поволжья. Народы Поволжья были избавлены от власти татар. Но на смену старому игу пришел гнет царизма.

На протяжении многих лет Россия принуждена была держать значительные силы на территории Казанского ханства, где продолжались народные восстания. В ходе войны татарская знать, не сложившая оружия, подверглась истреблению. Новгородские летописцы сообщают подробности о судьбе пленных казанцев. Шестьдесят человек доставили в Новгород и развели по дворам. Кормить их должны были архиепископ и «гости веденные». Позже пленников переселили в три вновь построенные тюрьмы.

После двухлетнего заключения часть пленников согласилась принять православие, «а которые не захотели креститься, ино их метали в воду».

Русские использовали всевозможные средства, чтобы упрочить свое господство в Казани. Они вывели из казанской крепости все население и поселили в татарские дворы русских

детей боярских. В 1555 г. было образовано Казанское архиепископство. Его возглавил игумен провинциального Селижаровского монастыря Гурий Руготин, избранный по жребию. Новый владыка стал третьим иерархом русской церкви, уступая одному лишь новгородскому архиепископу и занимая место выше архиепископа Ростовского. Архиепископу была положена десятина со всех доходов завоеванного края.

В конечном итоге завоевание «подрайской земли» не оправдало надежд русского дворянства. Степи с их мощным травяным покровом отличались редким плодородием, но с трудом поддавались обработке. Площадь распаханной земли в пределах края оставалась незначительной.

Русское правительство произвело первый раздел казанских земель вскоре после завершения семилетней Казанской войны. В мае 1557 г. казанский воевода наделил землями, ранее принадлежавшими казанскому хану и его мурзам, русских дворян и детей боярских. «Подрайская земля» пополнила фонд государственных поместных земель России. Крупные поместья получил царский наместник Казани. Значительные владения были выделены архиепископскому дому. С 1565 г. расхищение земель коренного населения Среднего Поволжья приобрело еще более широкий размах. В поместную раздачу поступил значительный фонд государственных «черных» и дворцовых деревень, а также земли, «исстари» принадлежавшие татарам, чувашам и мордве.

«МЯТЕЖ» В ДУМЕ

Поспешность, с которой царь покинул армию и уехал в Москву, объяснялась тем, что его жена ждала ребенка. Возвращение победителей в Москву сопровождалось триумфом. Царь въехал в столицу на коне, в полном воинском доспехе, посреди блестящей свиты. Ликующая толпа ждала Ивана в поле за городскими стенами и провожала его до кремлевских ворот. «И старые и юные, – писал летописец, – вопили великими гласами, так что от приветственных возгласов ничего нельзя было слышать».

Когда у царицы родился сын, Иван поспешил в Троицу, где монахи окрестили младенца и нарекли его Дмитрием. Едва кончилась зима и наступили первые весенние дни, Иван занемог «тяжким огненным недугом». В случае кончины царя трон должен был наследовать младенец Дмитрий. Его именем во дворце распоряжались дядя царевича бояре Романовы.

Официальная летопись, составленная при Адашеве, обрисовала ситуацию с помощью библейской цитаты: «Посети немощь православного нашего царя... и сбытся на нас евангельское слово: поразисте пастыря, разыдутся овца». Адашев явно желал предать забвению «вся злая и скорбная».

Летописная версия не удовлетворила Грозного, и он составил обширную приписку к Лицевому (иллюстрированному) своду. Ее можно условно озаглавить как «Сказание о мятеже». Версия царя была такова. Ближняя дума принесла присягу на имя наследника 11 марта 1553 г. Общая присяга всех членов думы была назначена на следующий день.

Церемонию проводили в Передней избе, куда царь выслал князя Владимира Воротынского и Ивана Висковатого с крестом. Торжественное начало омрачилось тем, что старший боярин думы князь Иван Михайлович Шуйский отказался от присяги: «Им не перед государем целовати (крест. – Р. С.) не мочно; перед кем им целовати, коли государя тут нет?» Протест Шуйского носил формальный характер. Руководить присягой мог либо сам царь, либо старшие бояре. Вместо этого церемония была поручена Воротынскому.

Выступив после Шуйского, окольный Федор Адашев обратился к думе со следующим заявлением: «Ведает Бог да ты, государь: тебе, государю, и сыну твоему царевичу Дмитрию крест целуем, а Захарьиным нам Данилу з братиею не служивати; сын твой, государь наш, еще в пеленицах, а владети нами Захарьиным Данилу з братиею; а мы уж от бояр до твоего возрасту беды видели многая». Протест Федора Адашева дал повод для инсинуаций.

В письме Курбскому Грозный прямо приписал Алексею Адашеву намерение «извести» младенца царевича. Однако из его летописной приписки следует, что Алексей верноподданнически и без всяких оговорок целовал крест Дмитрию в первый день присяги. Адашев-старший недвусмысленно высказался за присягу законному наследнику, но при этом выразил недоверие Захарьиным. Выступление Федора Адашева отличалось большой откровенностью. Оно было вызвано глубоким раздором внутри Ближней думы.

Захарьины готовились учредить регентство царицы Анастасии (наподобие регентства Елены Глинской), с тем чтобы самим управлять государством. Однако высшая знать вовсе не собиралась уступать власть царице и ее родне.

В первоначальном тексте летописной приписки сразу за речами Шуйского и Ф.Г. Адашева следовало изложение «царских речей». Грозный будто бы обвинил бояр в том, что они хотят свергнуть династию. Видя растерянность Захарьиных, Иван IV предупредил их, что враги трона умертвят их первыми. Царские речи, без сомнения, были вымыслом. Пораженный недугом, Иван не узнавал людей и не мог говорить. Но даже если бы он сумел что-то сказать, у него не было повода для «жестокости слова» и отчаянных призывов. Перечитав написанное, царь должен был заметить несообразность своего рассказа. Решив исправить дело, Иван дополнил рассказ словами: «Бысть мятеж велик и шум и речи многая в всех боярех, а не хотят пеле-

ничнику служить; и бысть меж бояр брань велия и крик и шум велик и слова многия бранныя. И виде царь... боярскую жестокость и почал им говорити так». Теперь в «Сказании о мятеже» все стало на свои места. «Жестокое» слово царя выглядело как естественная реакция на «боярскую жестокость».

Помимо сведений о перебранке в думе «Сказание о мятеже» включало сведения о тайном заговоре царского брата Владимира. Старицкие ждали смерти Ивана и втайне готовились к захвату власти. В дни царской болезни князь Владимир и его мать вызвали в Москву удельные войска и демонстративно раздавали им жалованье. Верные Ивану люди потребовали объяснений, тогда Старицкие стали «вельми негодовати и кручиниться на них». В итоге удельному князю воспретили доступ в покои больного.

Брат царя вел себя вызывающе в день общей присяга 12 марта. Будучи приглашен во дворец, он наотрез отказался присягать младенцу-племяннику и даже угрожал боярину Воротынскому немилостью. Протест Старицкого не имел последствий.

Подходящее время было упущено: все члены думы уже присягнули наследнику. Ближние бояре пригрозили Владимиру, что не выпустят его из хором, и принудили целовать крест поневоле. Мать претендента Евфросинья оказалась более упорной. Ближние бояре трижды ходили к ней па двор, прежде чем она согласилась скрепить крестоцеловальную запись княжеской печатью. Не очень смысленный, вялый юноша, прошедший раннее детство в тюрьме, князь Владимир не играл в событиях самостоятельной роли. Душой интриги была Евфросинья, обладавшая неукротимым характером и глубоко ненавидевшая царя Ивана. Она не могла простить племяннику и его матери гибели мужа и последующих унижений. Многие знатные бояре выражали сочувствие Старицким. На то были свои причины.

Боярская дума не желала учреждения регентства Анастасии Романовой. Сторонник Старицких князь Семен Ростовский заявил об этом в беседе с литовским послом, которого посетил вскоре после выздоровления царя. Ростовский жаловался, что «их всех (великородных бояр) государь не жалует, великих родов бесчестит, а приближает к себе молодых людей, а нас (бояр) ими теснит, да и тем нас истеснил, что женился у боярина у своего (Захарьина) дочер взял, понял рабу свою и нам как служить своей сестре?». Знать, пережившая правление Елены Глинской, недвусмысленно заявляла, что не допустит к власти вдову Ивана.

Подлинные документы – крестоцеловальные записи князя Владимира Старицкого 1553-1554 гг. – позволяют установить, что во время болезни царя мать князя и ее родня действительно собрали в Москве свои вооруженные отряды и пытались перезвать на службу в удел многих влиятельных членов думы.

Сторонники удельного князя толковали между собой: «Только нам служить царевичю Дмитрею, ино нам владети Захарьиным и чем нами владети Захарьиными, ино лутчи служить князю Владимиру...» Родственники Евфросиньи обратились к конюшему Ивану Петровичу Федорову. Но тот поспешил с доносом к царю и изложил ему содержание крамольных речей: «Ведь де нами владети Захарьиным, и чем нами владети Захарьиным, а нам служить государю малому, и мы учнем служить старому – Володимеру Ондреевичу».

Фактически дело шло к государственному перевороту. Однако царь выздоровел, и династический вопрос утратил остроту.

В 1554 г. произошли события, напомнившие о недавнем кризисе. В Польско-Литовском государстве участие знати в избрании монарха считалось делом законным и необходимым. В Русском государстве князья и бояре, высказавшиеся за избрание на трон царского брата, знали, что их ждет суровая кара. Опасаясь разоблачения, некоторые из заговорщиков вознамерились бежать за рубеж. В числе их был боярин Семен Ростовский. Когда в Москву прибыло литовское посольство, он выдал послу важные решения Боярской думы и посоветовал не заключать мир с Москвой, поскольку царство оскудело, а Казани царю «не сдержати, ужжо ее покинет».

Изменник просил посла предоставить ему убежище в Литве. Вскоре князь Семен снарядил к королю сына Никиту, с тем чтобы получить охранные грамоты на проезд через границу.

Пограничная стража схватила Никиту на литовском рубеже, и измена раскрылась. На суде боярин Ростовский сделал чрезвычайно важные признания относительно заговора Старицких.

Судебное дознание скомпрометировало многих знатных персон. Кроме родни Евфросиньи князей Щенятева и Куракиных, в заговоре участвовали бояре князь Иван Пронский, князь Дмитрий Немого-Оболенский, Петр Серебряный-Оболенский, Семен Микулинский, а также многие другие князья и дворяне, члены Государева двора.

Боярский суд вел дело весьма осмотрительно и осторожно. Судьи намеренно не придали значения показаниям князя Семена насчет заговора княгини Евфросиньи и знатных бояр. Главными сообщниками Ростовского были объявлены княжие холопы.

Осужденный на смерть князь Семен был выведен для казни на площадь «на позор», но приговор не был приведен в исполнение. По ходатайству митрополита Макария казнь была заменена тюрьмой. Боярина отправили в заточение на Белоозеро. Его вооруженную свиту выпустили.

В беседах с литовцами боярин Ростовский поносил и оскорблял Захарьиных, имевших все основания настаивать на расправе с изменником. Если бы Захарьиным удалось добиться суда над Старицкими и их сообщниками, они могли бы изгнать из думы противников и упрочить свои позиции при дворе. Но их старания не поддержали ни руководство Боярской думы, ни духовенство.

После осуждения Ростовского, утверждал Грозный, Сильвестр с советниками «того собаку почали в велице брежении держати и помагати ему всеми благами». Слова Грозного не были домysлом. Сохранилось утешительное послание Сильвестра к некоему опальному вельможе, история которого как две капли воды напоминала судьбу князя. Вельможа был «у смертного часа», лишился всего «стяжания», был отослан «в далечие страны». Священник советовал опальному не слушать тех, кто наущает «злословие и укорение износить на государя», «да не внидет в сердце твое... на государя хулен помысел и глагол неблагочестив». Сильвестр сообщил вельможе о том, что «умилостивилася душа царская»: решено устроить князя поместьем и вернуть вотчинку, «а и вперед не оставит Бог слез твоих». В самом деле, Ростовский был возвращен на службу, а его сообщник князь Андрей Катырев, готовившийся вместе с князем Семеном бежать в Литву, был произведен в бояре.

Кровавые казни, произведенные по приказу царя в дни его юности, были забыты.

Увлечение религией оказалось благотворным. Духовные пастыри успели внушить государю мысль о том, что помазанник Божий должен править милостиво. Наставления Пересветова насчет правления «с грозой» и сдирания кожи с изменников сочтены были несвоевременными. Теперь монарх открыто осуждал жестокость своих предшественников и считал мучениками погибших от их руки. Слова его находили живой отклик в сердцах князей, удостоившихся его дружбы. Один из этих друзей записал слова Ивана: «Аз от избиенных от отца и деда моего, одеваю гробы их драгоценными оксамиты и украшаю раки неповинные избиенных праведных».

Кого имел в виду «милостивый государь»? Осуждал ли он деда и отца за расправу с братьями, племянником, другой родней? Если государь и украшал гробницы, то скорее всего своей родни, похороненной в кремлевских соборах.

Максим Грек был одним из наставников самодержца. И он сам, и его ученики (одним из них был Курбский) выступали решительными противниками казней. Наконец Русь «утишилась при тебе от различных злобы, – писал Максим Грек Ивану, – славные князи и велможи възлюбят всякую правду, повинующеся твоим праведнейшим уставам и велением, взирающе на твое человеколюбнейшее изволение, якоже на доброту одушевленную и образ самаго Боже-

ственные благости». Христианский идеал доброго и праведного царя-человеколюбца приобрел на время реальную власть над помыслами Ивана.

Измену Семена Лобанова-Ростовского невозможно было скрыть, но Алексей Адашев позаботился о том, чтобы представить предательство случайным результатом скудоумия. В официальной летописи значилось, что князь Семен «хотел бежати от убожества и от малоумства, понеже скудота у него была разума».

Сильвестр использовал право «печалования» перед государем, чтобы окончательно предать забвению дело о боярском заговоре в пользу князя Владимира. Старицкие вполне оценили услугу скромного придворного проповедника. Он стал частым советчиком у княгини Евфросиньи и завоевал ее «великую любовь».

В конфликте между Захарьиными и думой Адашевы приняли сторону боярского руководства, что благоприятно сказалось на их карьере. В ноябре 1553 г. Алексей получил чин окольничего, а его отец – чин боярина, не положенный ему по «худородству». Алексей Адашев упрочил свои позиции в Ближней думе.

Влияние Захарьиных резко упало. Данила Романов уже в 1554 г. был отстранен от руководства Большим дворцом. Василий Юрьев-Захарьин утратил чин Тверского дворецкого. Их родственник Иван Головин был изгнан из Казенного приказа.

Сторонник Захарьиных Фуников потерял пост печатника и подвергся опале. Царица Анастасия пыталась заступиться за своих братьев, но нимало не преуспела в этом.

В письме Курбскому Грозный упрекал бывших любимцев за то, что те «на нашу царицу Анастасию ненависть зелну воздвигше и уподобляюще ко всем нечестивым царицам».

Неприязнь царицы к Сильвестру порождала взаимные обвинения и интриги. Священник сравнивал Анастасию с нечестивой византийской царицей Евдоксией, гонительницей Иоанна Златоуста.

Князь Андрей Курбский был среди тех, кто радовался посрамлению царицы и ее братьев. В 1554 г. он наконец был пожалован в бояре.

ИЗБРАННАЯ РАДА

В своей «Истории о великом князе Московском» Андрей Курбский упомянул о том, что при Сильвестре и Адашеве делами государства управляла Избранная рада. Если верить письмам Грозного, правящий круг состоял сплошь из изменников-бояр. По Курбскому, в Избранную раду входили мудрые мужи. Несмотря на то что «История» нисколько не уступала по тенденциозности письмам царя, предложенный ее автором термин «Избранная рада» получил признание.

Традиционное толкование текста Курбского сводится к тому, что после московского пожара 1547 г. к власти пришли Сильвестр и Адашев. Они отогнали от царя «ласкателей» и образовали правительство Избранной рады, которое провело реформы.

Такое толкование не согласуется с фактами.

В рассказе о раде имена «ласкателей» не названы. Но из дальнейшего повествования следует, что главными «ласкателями» Курбский считал «шурьев» государя Захарьиных. Их он называл нечестивыми губителями всего Святורусского царства, замечая при этом, что выше он «многажды реком» (много раз говорил) о них.

Причины раздражения боярина вполне понятны. Именно Захарьины оклеветали Сильвестра и Адашева и отстранили от власти мудрых мужей, к которым князь Андрей причислял и себя. Падение рады раз и навсегда погубило карьеру Курбского. Боярин бежал из России до опричнины, а значит, опричные «ласкатели» не могли причинить ему столько же зла, сколько Захарьины.

Историю рады невозможно связать ни с пожаром 1547 г., ни с удалением «ласкателей». Захарьины не только не лишились влияния после пожара, но, напротив, вошли в силу. Ни о какой замене «ласкателей» мудрыми мужами – радой – не было и речи. Приходится признать, что путанный рассказ Курбского может дать лишь превратное представление о правительстве реформ середины XVI в.

В отличие от Избранной рады Ближняя дума была реальным учреждением, действовавшим на протяжении многих лет. Для решения текущих дел власти собирали немногих «ближних людей», имевших прямое отношение к повестке дня. В критической ситуации Ближнюю думу собирали в полном составе, о чем свидетельствуют следующие факты. 1 марта 1553 г. присягу принесли «ближние люди»: бояре (князья Иван Мстиславский, Владимир Воротынский и Дмитрий Палецкий, а также Иван Шереметев, Михаил Морозов), дети боярские в думе (Алексей Адашев и Игнатий Вешняков), дьяк (Иван Висковатый), а вместе с ними бояре Данила Романов-Захарьин и Василий Юрьев-Захарьин. Двое «ближних людей» (боярин Дмитрий Курлятев-Оболенский и печатник Никита Фуников) отсутствовали по болезни. Тем же самым лицам, исключая умершего Воротынского, поручено было через год произвести розыск об измене боярина князя Семена Ростовского. Полное совпадение двух списков подтверждает, что Ближняя дума была постоянным учреждением с определенным составом. Именно ей предстояло управлять Россией за малолетнего Дмитрия.

Внутри Ближней думы места распределялись в строгом соответствии с местническими порядками. В обоих случаях список Ближней думы заканчивает имя дьяка Висковатого, а ниже названы имена двух бояр Романовых – братьев царицы. То, что кажется мелочью на первый взгляд, в действительности имело первостепенное значение. Как видно, Захарьины не принадлежали к составу Ближней думы в 1553-1554 гг.

В 1553 г., имея время, чтобы обсудить с боярами состав опекунского совета, Иван IV был лишен такой возможности из-за «огненной лихорадки» и беспамятства. По этой причине функции опекунского совета взяла на себя Ближняя дума, к которой присоединились Заха-

рыны. Подобного рода узурпация власти «ближними людьми» без надлежащей санкции Боярской думы вызвала большое негодование высшего боярского руководства.

Василий III назначил главой опекунского совета удельного князя Андрея Старицкого. В полном соответствии с традицией князь Владимир Андреевич, как брат царя Ивана, имел все основания стать во главе нового опекунского совета. Однако княжичу Владимиру едва исполнилось двадцать лет, и ему не доставало политического опыта и характера.

Его мать Евфросинья помнила историю Софьи Палеолог, которая устранила законного наследника престола Дмитрия-внука и доставила трон отцу Грозного, удельному князю Василию. Она намеревалась, следуя по пути Софьи, посадить на трон своего сына. Именно по этой причине Старицкие упорно отказывались принести присягу «пеленочнику».

Захарьины употребили все средства, чтобы расстроить интригу Евфросиньи. У них была влиятельная родня в Ближней думе. Боярин Иван Большой Шереметев был однородцем Захарьиных, а бояре Михаил Морозов и Василий Юрьев были женаты на родных сестрах. Ставленниками Захарьиных были печатник Фуников и дьяк Висковатый.

Василий III назначил душеприказчиками почти всю думу, самых влиятельных ее членов. К моменту болезни Ивана IV в думе числился 31 боярин. Из них только шесть бояр, не считая Захарьиных, попали в число душеприказчиков умирающего Ивана IV.

Наибольшим влиянием в думе пользовался род князей Шуйских-Суздальских, к которому принадлежали Иван Михайлович, Петр Иванович и Федор Скопин-Шуйские, а также покоритель Казани Александр Горбатый. Все они остались вне опекунского совета. У Шуйских была причина негодовать на опекунов.

В регентский совет не попала влиятельная родня княгини Евфросиньи Старицкой-Хованской (бояре князь Петр Щенятев, Федор Куракин, Михаил Голица и его сын Юрий Голицын). Не у дел остались князья Семен Микулинский и Иван Пронский, Иван Воронцов, конюший Иван Федоров-Челяднин.

Оправившись от болезни, царь Иван поехал с семьей на богомолье в Кириллов монастырь. Свою первую остановку царская семья сделала в Троице-Сергиевом монастыре. Там государь долго беседовал с иноком Максимом Греком. Максим Триволис советовал Ивану отложить поездку на север и взять на себя заботу о помощи семьям воинов, павших под стенами Казани. Власти Троице-Сергиева монастыря проявляли особый интерес к непрекращавшейся войне с казанцами. До возвращения монарха из путешествия на Белоозеро келарь обители Адриан Ангелов написал «Повесть о взятии Казани». Государь, читаем в повести, обязан спасти «от зол» подданных, а те должны беспрекословно повиноваться ему. Послушание подданных – вот главный вопрос, вот что поглощало помыслы самодержца в то время. Повесть включала царскую речь по этому поводу: подданным подобает «имети страх мой (государев) на себе и во всем послушливым быти» и «страх и трепет имети на себе, яко от Бога ми (монарху) власть над ними и царство приемше, а не от человек». Слова наставников о божественном происхождении царской власти были созвучны настроениям монарха, и он искал пути практического осуществления этой достойной идеи.

По пути в Кириллов царь заехал в Николо-Песношский монастырь и виделся там с племянником Иосифа Волоцкого иноком Вассианом Топорковым. Вассиан был любимцем Василия III и получил от него сан епископа Коломенского. После переворота, совершенного Шуйскими в 1542 г., он лишился кафедры. Обличение боярского самовольства – эта тема была одинаково близка царю и низложенному епископу.

Будучи в келье у Вассиана, самодержец спросил: «Како бы могль добре царствовати и великих сильных своих в поспешестве имети?» Если верить Курбскому, старец отвечал: «И аще хочеш самодержцем быти, ни держи себе советника ни единого мудрейшого себя». Курбский называл мудрейшими мужами членов Избранной рады.

Совет не держать мудрых советников равнозначен был совету избавиться от опеки мудрой рады. Топорков снискал известность как сторонник сильной монархической власти. Прошло много лет, прежде чем Иван IV смог последовать советам инок.

Прибыв в Кириллов, Грозный оставил в Кирилло-Белозерском монастыре жену и сына, а сам отправился «в Ферапонтов монастырь и по пустыням». В пустынях жили ученики и последователи Нила Сорского. Их советы касались духовного самосовершенствования и были весьма отличны от советов осифлян. Самой авторитетной фигурой среди них был Артемий Пустынник. Курбский писал о старце, что царь его «зело любяше и многажды беседоваше, поучаясь от него». Известно, что Артемию покровительствовал Сильвестр.

Всевластие Сильвестра и Адашева опиралось не только на благоволение царя. Будучи любимцами государя, они сумели найти прочную опору в Боярской думе. Наставник царя установил самые тесные отношения со знаменитым воеводой князем Горбатым.

Став первым наместником завоеванной им Казани, Александр Горбатый счел необходимым обратиться к Сильвестру за советом, как управлять басурманским царством. Пастырь не только написал ему подробное послание, но и порекомендовал прочесть поучение прочим воеводам, «священному чину и христоименитому стаду».

Все знали о том, что хотя послание и подписано Сильвестром, но священник, конечно же, предварительно обсудил его с царем, так что письмо выражало волю государя.

Влиятельным покровителем Сильвестра был князь Дмитрий Курлятев-Оболенский. В письме Курбскому Иван IV гневно упрекал Сильвестра и Адашева за то, что они «препустили» в Ближнюю думу этого родовитого боярина. Благодаря Курлятеву высшие думные чины получили многие его родственники: князь Василий Серебряный-Оболенский и Константин Курлятев, позднее – Петр Серебряный, Дмитрий Немого-Оболенский, Иван Горенский, Федор и Юрий Кашины, Михаил Репнин. По сравнению с другими княжескими домами Оболенские имели наибольшее число представителей в думе.

В письме Курбскому Иван IV жаловался на то, что Сильвестр и Адашев, пользуясь покровительством Курлятева, «с тем своим единомысленником нача злый совет утвержати, и ни единыя власти оставиша, идеже своя угодники не поставиша».

Сильвестр насадил повсюду своих угодников, опираясь на благоволение царя и вождей думы.

Благовещенский священник умел поддерживать добрые отношения и с покровительствовавшей ему знатью, и с кружком молодых друзей царя, мечтавших о широких реформах.

«Умыслив лукавое, – жаловался позднее Иван IV, – поп Селивестр и со Олексеем (Адашевым) здружился и начаша советовати отаи нас, мневша нас неразумных суша». Трудно сказать, какая сторона извлекла большие выгоды из союза.

Материалы, относящиеся к истории Казанской войны, дают наглядное представление о роли, которую Алексей Адашев стал играть при особе царя. Война требовала крупных расходов. В 1550 г. Иван IV послал Адашева в Казенный приказ, дав ему по этому случаю думный чин казначея. Очевидно, любимец царя должен был упорядочить финансовые дела и навести в Казне порядок. Исполнив поручение, Адашев сложил с себя полномочия казначея. В дальнейшем он время от времени участвовал в работе Казенного приказа, но уже не в качестве казначея. Он не раз говорил «царевым словом», что решало исход любого дела.

В 1551 г. царь послал Адашева с секретной миссией к Шах-Али, русскому ставленнику на казанском троне. Курбский писал, что Адашев вел жизнь благочестивую и даже ангелоподобную. Но он допустил преувеличение. Алексей с усердием выполнял любые, даже самые жестокие распоряжения царя.

Когда во время переговоров с Шах-Али выяснилось, что тот не выполнил своих обещаний, посланец Ивана обратился к нему с укоризной: «...и говорил ему Алексей, чтобы Касын молну убили и иных людей, на чем правду дал», и еще «чтобы пустил князя великого людей

в город». Адашев передал требование перебить в Казани всех противников Москвы, включая муллу. Завершив переговоры, Адашев спешно уехал в Москву для доклада государю.

Во время осады Казани в 1552 г. Адашев числился среди воевод то ли передового полка, то ли ертоула (авангарда). Едва воеводы начали ставить туры, государь послал «от себя» Алексея Адашева в самый опасный пункт – к Арским воротам.

Многочисленное конное войско татар нанесло удар со стороны Арского поля, рассчитывая прорваться к крепости. Но нападение не застало воевод врасплох.

Когда возник проект подкопа у Муралеевых ворот, Иван тотчас направил к месту подкопа Алексея Адашева, а с ним Немчина Розмысла, с приказом разрушить «тайник казанский» с колодцем, из которого татары брали воду. Государь не мог своими глазами наблюдать за сооружением подземной галереи, вместившей 11 бочек пороха.

Но все это возбуждало в нем крайнее любопытство, и он надеялся получить точные сведения от Адашева. Взрыв разрушил часть крепостной стены.

Приведенные факты раскрывают смысл слов Курбского о том, что Адашев был «общей вещи полезен». Где бы ни появлялся Адашев, его старания приносили пользу делу.

Временщик был человеком способным и разносторонним. Он с успехом выполнял самые разнообразные поручения самодержца: писал законы, командовал войсками, сооружал подземные галереи, вел переговоры с иностранными послами, собирал исторический материал, составлял летописи и занимался другими делами. Фактически он был оком государевым, поверенным, надежным исполнителем его воли.

После рождения сына у Ивана IV Адашев в конце 1553 г. сопровождал царскую семью в путешествии на богомолье в Кириллов монастырь. Именно во время этого путешествия погиб наследник престола «пеленочник» Дмитрий. Причиной был несчастный случай. Но вину за него несли братья царицы. Противники Романовых использовали трагедию, чтобы внушить государю недоверие к «шурьям».

АВТОРИТЕТ СИЛЬВЕСТРА

Ко времени династического кризиса Сильвестр достиг вершины своей карьеры. Раскол в Ближней думе и взаимная борьба между Старицкими и Захарьиными позволила ему выступить в роли миротворца. Мы ничего не знаем о политических умонастроениях Сильвестра. Можно лишь догадываться, что политика сама по себе не слишком волновала его. Исправляя старые летописи, Грозный нарисовал яркий портрет временщика, склонного «спроста рещи всякие дела». По его словам, поп «всякия дела и власти святителския и царския правяше, и никто же смеяше ничтоже сътворити не по его велению, и всеми владаше, обема властми, и святительскими и царскими, якоже царь и святитель...». При всей тенденциозности Грозный верно указал на два источника влияния придворного проповедника. Во-первых, «никто же смеяше ни в чем же противитися ему ради царского жалованья» и, во-вторых, он был «чтим добре всеми». Почитали пастыря за его добродетели и беспорочную жизнь. И все же его авторитет признавали далеко не все.

Сильвестр содержал иконописную мастерскую, будучи в Новгороде. Новгородская иконописная школа была едва ли не лучшей в стране. Переехав в Москву, священник сохранил свою мастерскую. В связи с этим царь поручил именно ему восстановить роспись Благовещенского собора, уничтоженную пожаром. Роспись была выполнена в новгородской манере. В Новгороде раньше, чем в других городах, проявились новые тенденции в развитии живописи. Икона стала изображать скорее идеи, чем лики, превращаясь в иллюстрацию к библейским текстам.

Как всегда, Сильвестр, пользуясь свободным доступом к особе самодержца, не преминул показать роспись своему питомцу и заручился его одобрением. В дальнейшем это сослужило ему хорошую службу.

Новшества новгородской школы живописи были встречены московскими ортодоксами с недоверием. Иван Висковатый, широко образованный богослов, открыто восстал против иконографии Благовещенского собора. Дьяка ужаснула не столько новизна, сколько замысел новой иконографии, в которой он усмотрел отступление от евангельской истины к Ветхому Завету, к пророческим образам. «Не подобает, – говорил дьяк, – почитати образа паче истины».

Осенью 1553 г. Висковатый подал царю донос на Сильвестра. В челобитной дьяк признал, что по поводу росписи «сумнение имел и возмущал народ» три года. Итак, московский дьяк заподозрил неладное еще в 1550 г., и с тех пор громко обличал склонность Сильвестра к ереси. Сильвестр не имел достаточной власти, чтобы заставить его замолчать. Висковатый не боялся открыто выразить свое мнение, так как надеялся на покровительство царских шуринов Захарьиных. Последние готовы были употребить все средства, чтобы подорвать влияние священника.

Сильвестр не принадлежал ни к осифлянам, ни к нестяжателям. Но когда государь потребовал у него совета о назначении игумена Троице-Сергиева монастыря, он высказался в пользу вождя нестяжателей Артемия. Старец был вызван из заволжских пустыней и поселен в Чудовом монастыре. Иван просил Сильвестра «смотреть в нем всякого нрава и духовные пользы». Наставник похвалил Артемия. В итоге «по государеву велению» и прошению троицких иноков старец занял ключевой пост игумена Троице-Сергиева монастыря.

Артемий был из тех людей, которые оказали глубокое влияние на формирование религиозности Ивана IV. Царь, как отметил Курбский, его «зело любяще и многажды беседовавшие».

Известно, что подвижник обращался к монарху с посланиями, убеждая его взяться за изучение богословия. «Хощу подвигнута царскую ти душу, – писал он, – на испытание разума Божественных писаний». Старец чудной жизни наставлял Ивана никогда не стесняться учения:

«Не срамляйся неведением, со всяцем тщанием въпроси ведущего. Подобае убо учитися без стыдения, яко же учить без зависти.

Никто же не научився может что разумети». Желая подтолкнуть юного государя к изучению Священного Писания, Артемий решительно оспаривал тех, кто следовал правилу: «Не чти много книг, да не во ересь впадеш».

Советы пали на подготовленную почву. Иван пристрастился к чтению и с годами приобрел обширные познания в богословии.

Наставления Пустынника произвели на питомца столь сильное впечатление, что он просил инока написать подробно «о Божиих заповедях и отеческих преданиях и обычаях человеческих».

Артемий использовал свое влияние при дворе, чтобы добиться освобождения Максима Грека. Осифляне держали Грека в заточении более 20 лет. Новый троицкий игумен рассчитывал, что авторитет Максима поможет ему внести перемены в жизнь обители. Но его надежды не оправдались. Максим Грек и Артемий Пустынник учили, что чернецы должны жить «своим рукоделием» и не владеть селами. Их проповедь далеко расходилась с практикой богатейшего монастыря России. Несмотря на заступничество Сильвестра, Артемий должен был сложить сан. Он пробыл в Троице всего полгода.

ЕРЕСЬ

Церковь воспротивилась введению на Руси печатного дела, когда на Русь прибыли датские печатники. Высшее духовенство постаралось уберечь православное общество от козней датских «люторов».

Однако вскоре обнаружилось, что «люторская» ересь уже пустила корни на Святой Руси. Первым забил тревогу Сильвестр, подавший донос на сына боярского Матвея Башкина.

Матвей Башкин, по-видимому, служил во дворце, поскольку его духовником был Симеон, священник Благовещенского собора. Матвей вел дружбу с двумя дворцовыми аптекарями.

Подобно Сильвестру, Башкин осуждал рабство. Он сообщил духовнику Симеону, что освободил своих холопов и изодрал холопы грамоты. При следующей встрече Башкин показал Симеону книгу «Апостол», а в ней размеченные воском места, которые вызвали его недоумение. Предложенные им толкования показались духовнику «развратными», и Симеон поспешил за советом к Сильвестру. Тот испугался, что недоносительство на Башкина повредит его репутации. В июне 1553 г. Сильвестр явился в царские покои и в присутствии Алексея Адашева доложил Ивану IV о «новоявившейся ереси».

Иван призвал к себе Башкина и велел ему читать и толковать «Апостол».

Ознакомившись с «развратными» взглядами Матвея, царь приказал посадить его в подклеть на царском дворе до подлинного сыска. Избежав тюрьмы, еретик попал в подвалы дворца. Башкин проповедовал неслыханные идеи: он отрицал официальную церковь, называл баснословием Священное Писание. На допросе Башкин признал, что воспринял ересь от двух поляков – Матиаса, дворцового аптекаря, и Андрея Сутеева. Собеседники Башкина были протестантами.

Получив донос на Башкина, царь после совещания с наставниками велел пригласить в Москву Максима Грека и Артемия Пустынника. Распоряжение доказывало, что Сильвестр намеревался заслушать мнение самых авторитетных богословов России.

Артемий явился в Москву, но не пожелал участвовать в суде над вольнодумцами и без ведома властей тайно покинул столицу. Необдуманный шаг имел роковые последствия. 25 октября 1553 г. Иван Висковатый в присутствии царя и бояр открыто обвинил Сильвестра и Артемия в пособничестве еретику Башкину. В ноябре он составил доклад с перечнем обвинений против Сильвестра. Новые иконы Благовещенского собора, объявил дьяк, результат «злословств» еретика Башкина: «Башкин с Ортемьем советова, а Ортемей с Селиверстом».

Резкие нападки на Сильвестра объяснялись тем, что у Висковатого были могущественные покровители. При составлении своего «Писания» Висковатый использовал книги, полученные им от члена Ближней думы боярина Михаила Морозова и его свояка боярина Василия Михайловича Юрьева-Захарьина.

Обвинения встревожили Сильвестра. Он обратился к царю с посланием против «избных» (приказных) людей, впавших в бесстыдство.

Исход столкновения зависел от того, какую позицию займет глава церкви Макарий.

Ответ митрополита Висковатому был кратким и энергичным. «Стал еси на еретики, – заявил митрополит, – а ныне говоришь и мудствуешь негораздо о святых иконах, не попадись и сам в еретики. Знал бы ты свои дела, которые тебе положены – не розроняй списков» (посольских бумаг). Макарий пригрозил дьяку, что тот может быть изгнан со службы.

Глава церкви четко выразил свое отношение к креатуре Захарьиных – Висковатому. Становится понятным замечание Курбского о том, что Сильвестру удалось отогнать от царя Ивана «ласкателей» после того, как он «присовокупляет себе в помощь архиерея онаго великаго града» Москвы, иначе говоря, митрополита Макария.

Вот причина, почему Грозный ни словом не обмолвился о Макарии в своем отчете о кризисе 1553 г. Смертельная болезнь государя и династический кризис выдвинули фигуру митрополита на первый план. Если монарх в своем отчете о «мятеже» вообще не упомянул имени Макария, то лишь потому, что щадил его память. Он не стал обвинять пастыря церкви в том, в чем обвинял «изменных бояр», а именно во вражде к Захарьиным. Видимо, в 1553 г. Макарий, подобно Сильвестру, старался погасить раздор между Старицкими и Захарьиными, чтобы устранить опасность смуты.

Споры о ереси возродили прежний раздор. Розыск обнаружил, что ересь свила себе гнездо при дворе старицкого удельного князя. Главными сообщниками еретика были объявлены знатные дворяне Иван Тимофеевич Борисов-Бороздин и его брат. Они происходили из очень знатного рода тверских бояр и доводились троюродными братьями Евфросинье Старицкой. Оба служили в удельном княжестве и были видными придворными князя Владимира Андреевича. Враги Старицких не прочь были использовать момент, но Сильвестр и Макарий не дали разжечь пожар.

Следствие по делу Башкина и Борисовых было передано осифлянам. Башкин в конце концов сознался, что называл иконы «идолами окаянными», хулил самого Христа.

Видимо, эти признания были получены под пыткой. У обвиняемого помутился рассудок: он «язык извеса, непотребная и нестройная глаголаша на многи часы, и потом в разум прииде». Матвей Башкин был брошен в тюрьму, Иван Борисов сослан в монастырь на остров Валаам.

Церковные власти использовали суд над Башкиным, чтобы окончательно избавиться от нестяжателей. Отказ старца Артемия от участия в расправе с еретиками власти расценили как доказательство его причастности к ереси. На суде Башкин в расспросе «на старцов заволских говорил, что его злобы (еретических взглядов) не хулили (старцы) и утверждали его в том». Возражая судьям, Артемий с полным основанием указывал, что ребяческие речи Башкина невозможно подвести ни под одну известную и осужденную святыми соборами ересь.

Вопрос о наказании еретиков был одним из главных пунктов, разделявших Артемия и его гонителей. Побуждая царя к размышлениям, старец писал в одном из посланий к нему: не следует спешить с осуждением, если кто «от неведения о чем усумнится или слово просто речет, хотя истину навикнути». Старец возражал против казни еретика Башкина и его единомышленников. После бегства в Литву он писал:

«Неподобно есть христианом убивати еретичествоующих, яко же творят ненаучении, но паче кротостию наказывати противящаяся и молитися о них, да даст им Бог покаяние в разум истины възникнути».

Точка зрения осифлян была противоположной. Один из сподвижников Иосифа Волоцкого, архиепископ Геннадий, в свое время дал собору на еретиков такой совет: «С еретиками таки бы о вере никаких речей с ними не плодили, токмо для того учинити собор, чтобы их казнити – жечи да вешати».

Иосиф Санин свое главное сочинение «Просветитель» посвятил наставлениям и советам, как искоренить ересь на Руси. Затеяв гонения на еретиков, осифляне постарались приобщить Ивана IV к идейному наследию Санина. Епископ Нифонт Кормилицын отклонил просьбу старцев Иосифова монастыря о передаче им бывшей у него рукописи «Просветитель» на том основании, что «митрополит ея емлет и чтет, да и царь князь великий ея имал и чел». Самодержец ежечасно подвергался влияниям с самых разных сторон. Прилежный ученик черпал премудрость из источников, которые ему предлагали, как прилежный ученик.

Вероятно, Артемию удалось бы оправдаться, но с наветами против него выступили игумен Кирилло-Белозерского монастыря, старцы Ферапонтова и Троице-Сергиева монастырей. В защиту его выступили епископ Рязанский Касьян и соловецкие старцы. (За это Касьян был лишен сана.) В январе 1554 г. собор отлучил Артемия от церкви и сослал на вечное заточение в Соловки. Власти готовили суд над «сообщниками» Артемия – Феодосием Косым и Вассиа-

ном. Но тем удалось бежать из-под стражи и скрыться в Литве. Там же нашел прибежище и Артемий. За рубежом он сохранил непоколебимую верность православию. Некоторые из беглых московских еретиков, напротив, перешли в протестантскую веру. Один из новообращенных заслужил в Литве славу «второго Лютера или, скорее, Цвингли».

«Второй Лютер» рассказывал, что в Москве он был приговорен «советом епископов» к сожжению на костре, но царь Иван отменил смертный приговор и приказал освободить еретика из тюрьмы. Показание московского «лютора» проливает свет на роль монарха в затеянных осифлянами процессах. Иван хорошо усвоил мысль о том, что провинившиеся монахи достойны сурового наказания, но не смерти. В послании Курбскому он писал: «И во отрекшихся от мира наказания, аще и не смерти, но зело тяжкая наказания, колми же паче в царствие подобает наказанию злодейственным человеком быти».

Три года Сильвестр подвергался нападкам Висковатого, пока митрополит не защитил его от обвинений в ереси. Спасаясь от наветов, Сильвестр отмежевался от Артемия Пустынника. Позиция наставника оказала решающее влияние на царя Ивана. Он не мог выступить против решения Священного собора и заступиться за Артемия, у которого учился богословию. Но он не позволил сжечь мнимых еретиков.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РЕФОРМ

Крупнейшей реформой середины XVI в. была реформа центрального управления и организация приказной системы управления, просуществовавшей в России до петровских времен. В период раздробленности великий князь «приказывал» (поручал) решение дел своим боярам по мере необходимости. Быть «в приказе» означало ведать порученным делом. Одним из первых «приказов», превратившихся в постоянное учреждение, было центральное финансовое ведомство – Казна. В его организации заметную роль сыграл византийский финансист и купец Петр Ховрин-Головин, потомки которого были казначеями на протяжении нескольких поколений. Казначей ведали Денежным двором, собирали государеву подать в Москве и «дань» в Новгороде, оплачивали военные расходы и пр. Со временем из состава Казны выделились узкофинансовые ведомства вроде Большого прихода. Поземельные дела стал вершить Поместный приказ, военные дела – Разрядный приказ, суд – Разбойный приказ.

В числе первых в Москве сформировались приказы, управлявшие княжеским доменом – собственностью великокняжеской фамилии. Дворцовый приказ снабжал дворец и многочисленные царские резиденции припасами. По мере присоединения земель и появления княжеских владений на окраинах рядом с Большим дворцом в Москве появились Новгородский, Тверской и прочие дворцы. Как правило, посты дворецкого и конюшего занимали представители одних и тех же старомосковских фамилий:

Морозовых, позднее – Захарьиных и Челяднинных. Наследование приказных постов замедляло формирование приказного аппарата.

Начало переустройству приказной системы на новых основах положила организация Посольского приказа на первом году реформ. В 1549 г. «приказано посольское дело Ивану Висковатого, а был еще в подьячих». На первых порах дело казалось столь маловажным, что поручено было не боярину, не дьяку, а лишь подьячему, низшему чиновнику. Опыт оказался удачным.

В Дворовой тетради 1552-1562 гг. записано до 50 больших и дворовых дьяков, возглавлявших главнейшие приказы, или избы. Со временем число приказов увеличилось до 80. Штат каждого приказа составляли дьяк, подьячие и писцы числом от 20 до 50 человек.

Характерной чертой системы приказного управления была чрезвычайная дробность ведомств и отсутствие четкого разграничения функций между ними. Наряду с центральными отраслевыми управлениями (Казна, Посольский, Разрядный, Поместный, Разбойный, Конюшенный, Ямской приказы, приказ Большого прихода) существовали областные приказы, управлявшие территориями отдельных земель (Тверской, Рязанский дворцы), упраздненными удельными княжествами (Дмитровский и Углицкий дворцы) и вновь завоеванными землями (Казанский дворец). Существовали также различные мелкие ведомства: Земский двор (полицейское управление столицы), московское тиунство и т.д. Не только областные дворцы, но и центральные приказы имели в своем ведении выделенные им территории. В пределах этой территории приказ собирал налоги, творил суд и расправу. К примеру, Посольский приказ осуществлял управление Карельской землей.

Первыми в состав думы вошли руководители Казенного приказа – двое казначеев и хранитель большой государственной печати – «печатник». В 60-х годах думными дьяками стали разрядный, поместный и посольский дьяки. Они постоянно присутствовали на заседаниях думы и докладывали дела.

Боярская дума контролировала деятельность приказов, периодически посылая туда окольных и бояр. По существу, приказы стали разветвленной канцелярией думы. С образованием приказной системы Боярская дума окончательно конституировалась в высший орган государственной власти.

Важной особенностью почти всех новшеств середины XVI в. были сугубый практицизм правительственных мер, несовершенство или отсутствие у них законодательной основы. Приказы не имели регламента, который определял бы структуру новых учреждений и порядок их деятельности.

Реформа центрального аппарата управления повлекла за собой преобразование местного управления – системы кормлений. Текст подлинного приговора думы о кормлениях отсутствует, и о его содержании можно судить только по литературному пересказу.

Незадолго до своей отставки Адашев включил в официальную летопись рассказ, ставивший целью прославить его реформаторскую деятельность. Этот рассказ окрашен в апологетические тона и требует критики. Адашев подверг решительной критике устаревшую систему местного управления, при которой провинциальные власти, наместники и волостели кормились за счет населения. Узнав о злоупотреблениях кормленщиков, царь велел «расчинить» по городам и волостям старост, которые бы участвовали в судебных делах, и заменил прежние выборы в пользу кормленщика специальным оброком – «кормленным окупом», шедшим в казну.

В приведенном «приговоре» о кормлениях имелся один существенный пробел. Закон не уточнял, на какие города и волости распространялась реформа местного управления.

Радикальная критика системы кормлений предполагала необходимость полной ликвидации устаревшей системы. Между тем из летописного текста следовало, что царь по рассмотрении вопроса о кормлениях «бояр и велмож и всех воинов устроил кормлением праведными уроки, ему же достоин по отечеству и по рододству».

Правительство приступило к ликвидации кормлений уже в самом начале 50-х годов, и именно тогда были ликвидированы крупнейшие наместничества во внутренних уездах страны (Рязанское, Костромское и др.). После взятия Казани бояре, «возжелаша богатства», разобрали доходнейшие из кормлений, а прочими кормлениями «государь пожаловал всю землю», иначе говоря, знатнейшее дворянство. Новая широкая раздача кормлений имела место в связи с первыми успехами в Ливонской войне в 1558 г.

Итак, «приговор» 1555-1556 гг. не ликвидировал систему кормлений одним ударом.

Из-за противодействия бояр и знатных дворян, пользовавшихся привилегией замещать «кормленные» должности, отмена кормлений затянулась на многие годы. Перестройка органов местного управления была осуществлена в сравнительно короткий срок только на Севере, где на черносошных (государственных) землях жило малочисленное крестьянское население и пош'и вовсе отсутствовало землевладение дворян. Суд и сбор податей, прежде осуществлявшиеся здесь кормленщиками, перешли в руки «излюбленных голов», выбранных населением. На черносошном Севере земское самоуправление дало наибольшие преимущества не дворянам, а купцам-промышленникам и богатым крестьянам. Земская реформа в целом как бы завершила общую перестройку аппарата государственного управления на новых сословных началах.

В центральных уездах земская реформа, начатая еще в 1539 г., носила с самого начала продворянский характер. Правительство передало надзор за местным управлением губным старостам и городовым приказчикам, которых и бирали из своей среды провинциальные дворяне. Губные старосты, а не наместники-кормленщики должны были теперь вершить суд по важнейшим уголовным делам. Деятельностью губных старост непосредственно руководил Разбойный приказ в Москве.

Летописный рассказ о преобразовании военно-служилой системы в 1556 г. страдает такими же противоречиями, что и повествование о кормлениях. Проблема военной службы и земельного обеспечения дворянства оказалась в центре внимания властей с первых дней реформы. В знаменитых «царских вопросах» Стоглавому собору власти впервые заявили о необходимости «уравнять дворян в землях» и обеспечить разоренных «недостальных» дворян.

«И то бы приговорити, – значилось в царских вопросах, – да поверстати по достоинству безгрешно, а у кого лишек, ино недостаточного пожаловати». Не было другого вопроса, который бы так глубоко занимал и волновал всю массу дворянства, как вопрос о земельном обеспечении.

Тема «дворянского оскудения» получила наиболее полное освещение в сочинениях известного публициста 50-х годов Еромолая Еразма. Его трактат «О землемерии» содержал проект всеобъемлющей перестройки системы поземельного обеспечения служилого дворянства. Целью Еразма было спасение «скудеющего» мелкого дворянства и вместе с тем облегчение участи крестьян – «ратаев». Еразм добивался того, чтобы дворяне несли воинскую службу в строгом соответствии с размерами их земель. Для этой цели правительство должно было произвести всеобщее «землемерие».

Для Еразма характерно живое сочувствие нуждам крестьян. Адашев стремился провести военно-административные реформы, отвечавшие интересам дворян в первую очередь. Однако идеи Еромолая Еразма не были чужды Адашеву. Следы их влияния можно обнаружить в летописном рассказе о реформе военно-служилой системы в 1556 г.

Согласно этому рассказу, «приговор» о службе должен был воплотить в жизнь идею уравнивания дворян в земельных владениях: «Посем же государь и сея расмотри: которые велможы и всякие воины многими землями завладели, службою оскудеша, не против государева жалования и своих вотчин служба их, – государь же им уравниания творяше: в поместьях землемерие им учиниша, комуждо что достойно, так устроиша; преизлишки же разделиша неимущим».

Перед нами литературная версия, а не подлинный текст закона. Тщетно мы стали бы искать в нем ответ на вопрос, какие поместные оклады служили основой уравнительного «землемерия» и как определялись «излишки» у вельмож, «оскудевших службой».

Из дальнейшего летописного изложения можно заключить, что реформа свелась к очередному генеральному смотру дворянского ополчения, во время которого служилые люди и «новики» получили положенные им поместные оклады, а «нетчики» лишились своих земельных владений. Среди землевладельцев, лишившихся «преизлишков», были, конечно, не одни «вельможи». Кроме них, пострадали вдовы, малолетние дети дворян, разоренная мелкота, «избывшая службы».

Проект уравнительного «землемерия» был самым радикальным из всех проектов Адашева. Но на практике его осуществление, по-видимому, не привело к решительному перераспределению земель между «вельможами» и «простыми воинниками». Реальное значение реформы состояло в другом. Власти приравнивали вотчины к поместьям в отношении военной службы. Не только помещики, но и вотчинники теперь должны были отбывать обязательную военную службу и выходить в поход «конно, людно и оружно». С каждых 150 десятин пашни землевладелец выводил в поле воина в полном вооружении.

Боярская книга 1556 г. свидетельствует, что нормы службы с земли, обозначенные в летописном отчете Адашева, носили реальный характер. Примечательно, что при определении норм службы власти приняли за исходную норму оклад в 100 четвертей «доброй» земли. Помещики, имевшие меньший оклад, вообще не обязаны были выставять в поход боевых холопов. Вотчинники получили право на поместье наряду с прочими служилыми людьми, вследствие чего принцип обязательной службы был распространен на все категории землевладельцев. Поместная система уравнила всех дворян в отношении службы.

При анализе реформы службы надо иметь в виду, что Россия не имела ученого «сословия» правоведов и развитой юриспруденции. Законодательные функции Боярской думы и приказных ведомств были ограничены. Источником закона было не право, а монаршая воля. Летописный отчет о реформе службы снабжен заголовком «О рассмотрении государском». Реформа опиралась не на закон с четко разработанными юридическими нормами, а на царские

предназначения. Предоставление поместий служилым людям имело вид царской «милости» или царского «пожалования».

Военная реформа, как полагают, укрепила вооруженные силы России. Такая оценка требует существенной поправки.

В Древней Руси удельные князья и богатые бояре держали собственные дружины и пользовались правом отъезда. С образованием единого государства система организации этих военных сил претерпела перемены. Сами князья и бояре навсегда утратили право отъезда, а их военные свиты в XVI в. стали комплектоваться по общему правилу из несвободных людей – холопов.

Помещики держали холопов двух категорий. Страдники – пашенные мужики – пахали землю на господина. Боевые холопы несли службу. Землевладельцы вооружали их, предоставляли боевого коня, запас продовольствия в поход. При этом слуга должен был дать господину долговую расписку, или кабалу, на сумму, в которую оценивалась стоимость предоставленного имущества. Боевые слуги начала XVI в. были старинными и полными холопами, слуги второй половины века – кабальными людьми. В середине XVI в. очевидцы отметили факт разорения мелкопоместного дворянства.

Богатые землевладельцы пускались во все тяжкие, чтобы заполучить в свою вооруженную свиту опытных воинов из числа выбывших со службы детей боярских.

Иван Пересветов отстаивал право «воинников» – детей боярских на вольную службу государю. Но власти остались глухи к советам такого рода. Поддержание боеспособного дворянского ополчения было в глазах правительства первоочередной задачей, а потому интересы разоренной служилой мелкоты были принесены в жертву интересам знати и дворян, которые могли нести службу в тяжеловооруженной коннице и содержать боевых холопов.

Указ 1558 г. подтверждал законность всех служилых кабал на сыновей дворян (детей боярских) старше 15 лет, не находившихся на царской службе. Чем определялась такая позиция правительства? Чтобы вернуть оскудевшего дворянина на цареву службу, казне надо было затратить большие средства: обеспечить воина поместьем, экипировать в поход. Но был и другой выход. Ратника мог снарядить состоятельный землевладелец, ссудивший ему деньги под кабалу. Закон определял пятнадцатирублевый максимум, то есть максимальную сумму долга кабального. На эти деньги можно было полностью вооружить всадника. Ценою свободы сын боярский, лишившийся доходов, получал возможность вернуться на военную службу.

Боевые холопы получали служную пашню и пахали ее на себя. Служная пашня была принадлежностью поместья – государственного имения, что и определило характер службы военных холопов. Господство государственной земельной собственности привело к тому, что служба боевых холопов утратила характер частной службы и приобрела вид государственной повинности. В ходе реформы власти ввели в середине XVI в. принцип государственной регламентации военной службы холопов.

Государев двор изучают обычно как структуру, объединявшую верхи дворянства. Но такой подход явно недостаточен, поскольку не учитывает важную особенность. Как боевая единица, Государев двор включал, кроме знати, и многочисленное войско из воинов-рабов. Значительную часть их составляли разорившиеся помещики. По примерным подсчетам, 25-тысячное конное дворянское ополчение в XVI в. сопровождало не менее 20-30 тысяч боевых холопов. Это обстоятельство не могло не сказаться на надежности армии – главной опоры монархии.

Таким образом, реформа службы, упрочившая вооруженные силы государства, в то же время подготовила почву для гражданской войны начала XVII в.

При Адашеве завершилось формирование московской военно-служилой системы.

Аристократия представляла верхушку правящего сословия, тогда как основную его массу – несколько десятков тысяч человек – составляли городовые дети боярские, владевшие неболь-

шими поместьями. Низшее дворянство не имело единой для всей страны организации наподобие Государева двора. Без сомнения, мелкое городовое дворянство поддерживало более тесные связи с верхами своего уезда, чем с низшим дворянством других уездов и земель.

Будучи разобщены между собой, уездные дети боярские находились в прямой зависимости от центральной власти. Зарождение самодержавия в России было тесно связано с формированием военно-служилого сословия. Но централизация власти носила незавершенный характер. Традиционное мнение сводится к тому, что монарх проводил централизаторскую политику, опираясь на мелкое дворянство, тогда как боярская знать противилась централизации. Пересмотрев этот вывод, историки заключили, что в XVI в. «нельзя усмотреть „децентрализаторские“ тенденции, стремление воскресить времена феодальной раздробленности ни у одной из групп княжеско-боярской знати. Речь может идти лишь о борьбе за различные пути централизации» (А.А. Зимин). Такая точка зрения вызывает сомнения.

Русская монархия нуждалась в поддержке аристократии и дворянского сословия в целом. Она пользовалась такой поддержкой. Источником же коллизий внутри господствующего сословия в XVI в. был не абстрактный принцип централизации (в политическом сознании того времени он вообще не получил отражения), а вполне реальная проблема, четко сформулированная современниками. Власть московских государей настолько усилилась, что они пытались ввести в стране самодержавные порядки. Однако знать пользовалась большим влиянием и всеми силами противилась самодержавным поползновениям монархии.

На дворянских смотрах середины XVI в. была установлена единая система поместных окладов для всех или большинства членов военно-служилого сословия России.

Россия унаследовала налоговую систему от времен раздробленности. В каждой земле существовали свои подати и повинности, соответствовавшие традиции. В итоге реформы власти добились единообразия в налогах.

Преобразования отвечали потребностям развития Российского государства. Реформы проводились под эгидой Боярской думы и разрабатывались в ее канцеляриях – приказах. Итоги реформ не могли удовлетворить таких дворянских писателей, как Пересветов. Он требовал полной отмены местничества, но эта мера была осуществлена лишь через сто лет. Проекты «землемерия» – перераспределения земель в пользу оскудевшего дворянства – в значительной мере остались на бумаге.

С образованием приказной системы в России народилась бюрократия. Дьяки в массе своей были преимущественно выходцами из низшего дворянства. Но бюрократия постоянно пополнялась способными людьми из «всенародства» – поповских детей, грамотных торговых мужиков и пр. Служилая бюрократия XVI в. была даровита.

Перед ней раскрылись двери Боярской думы. Дети боярские, которые «живут в думе», и думные дьяки стали играть все более видную роль в жизни государства. Дворяне появились на сословных совещаниях, со временем получивших название Земских соборов.

Какое участие в проведении реформ принимал Иван IV? Чтобы ответить на этот вопрос, надо иметь в виду, что годы реформ были для царя Ивана годами учения.

Достигнув совершеннолетия, царь на первых порах оказался неподготовленным к роли правителя обширного государства и должен был на много лет подчиниться воле избранных им наставников. В юные годы Иван не получил систематического образования, зато в зрелом возрасте поражал близких к нему людей своими обширными познаниями. После 34 лет Грозный занялся литературным трудом и стал едва ли не самым плодовитым писателем своего времени. Писания Ивана свидетельствовали о его уме и начитанности. Однако ни одно царское сочинение не сохранилось в оригинале. Более того, никому еще не удалось обнаружить хотя бы одну строку, написанную его рукой, хотя бы один документ, скрепленный его подписью. Однако этот факт сам по себе не имеет существенного значения. Традиции Московского государства, выросшие из безграмотности первых московских князей, воспрещали государю подписывать

какие бы то ни было документы, включая собственное духовное завещание. Обычай этот свято чтители и в XVI в. Но с некоторых пор внешние влияния пробили брешь в спасительных устоях старины. Бабка Грозного – византийская царевна Софья – воспитывалась в Италии, славившейся своими успехами на ниве просвещения и искусств. Она явилась в Москву в сопровождении целой толпы итальянских медиков, архитекторов и мастеров. Софья не могла не заботиться об образовании сына. При случае Василий III посылал жене Елене собственноручные записочки, так что сомнений в его грамотности не возникает. Но Василий III из уважения к обычаям предков не утруждал себя письмом. Даже Борис Годунов, скреплявший грамоты своей рукой смолоду, перестал подписывать бумаги, взойдя на трон. Лишь Лже-дмитрий не скупился на автографы, но он жестоко поплатился за пренебрежение к московской старине.

Отсутствие автографов Грозного ни в коей мере не может служить свидетельством его неграмотности. Современники не ставили под сомнение ученость и литературные таланты первого царя. Они называли его ритором «словесной мудрости» и утверждали, что он «в науке книжного поучения доволен и многоречив зело». Бывший друг царя, а потом злейший его враг князь Курбский, сражаясь с ним с помощью библейских цитат, иногда обозначал лишь первые стихи Священного Писания, полагаясь на знания своего корреспондента. «Последующие стихи умолчу, – писал в таких случаях Курбский, – ведуще тя Священного Писания искусного».

Испытав влияние осифлян, Иван стал проявлять пристальное внимание к внешней обрядовой стороне религии. «Красное» церковное пение воспитало в нем любовь к музыке. Иван охотно пел в церковном хоре, состоящем из государевых певчих.

Сразу после побега Курбского за рубеж царь отправился в Переяславль-Залесский, где дирижировал «станицей» хора при освящении Никитского собора.

От природы Грозный обладал художественной натурой. Он не только пел, но и сочинял музыку. Ноты в те времена записывали крюками. Царские стихиры (песнопения) надень преставления московского чудотворца митрополита Петра и в честь Владимирской Божьей Матери хранились в библиотеке Троице-Сергиева монастыря с пометой: «Творение царя Иоанна деспота Российского». Монарх охотно приглашал в Александровскую слободу самого известного в его время композитора Федора Христианина.

Особый интерес монарх питал к историческим сочинениям. На них он не раз ссылался в речах к иностранным дипломатам и думе. Венецианского посла Джерио поразило близкое знакомство Грозного с римской историей. Допущенный в царское книгохранилище, ливонский пастор увидел там сочинения греков античной поры и византийских авторов.

С конца 40-х годов Ивана захватили смелые проекты реформ, взлелеянные передовой общественной мыслью. Но он по-своему понимал их цели и предназначение. Грозный рано усвоил идею божественного происхождения царской власти. В проповедях пастырей и библейских текстах он искал величественные образы древних людей, в которых «как в зеркале старался разглядеть самого себя, свою собственную царственную фигуру, уловить в них отражение своего блеска и величия» (В.О. Ключевский). Сложившиеся в его голове идеальные представления о происхождении и неограниченном характере царской власти, однако, плохо увязывались с действительным порядком вещей, обеспечивавшим политическое господство могущественной боярской аристократии. Необходимость делить власть со знатью воспринималась Иваном IV как досадная несправедливость.

В проектах реформ царю импонировало прежде всего то, что их авторы обещали искоренить последствия боярского правления. Не случайно резкая критика злоупотреблений бояр стала исходным пунктом всей программы преобразований. Грозный охотно выслушивал предложения об искоренении боярского «самовольства». Такие предложения поступали к нему со всех сторон.

Чтобы ввести «правду» в государстве, поучал царя Пересветов, надо предавать «лютой смерти» тех еретиков, которые приблизились к трону «вельможеством», а не воинской выслу-

гой или мудростью. Пересветову вторил престарелый осифлянский монах Вассиан Топорков. Его советы, по мнению Курбского, подготовили почву для последующих царских гонений на бояр. Фамилия Топорков дала Курбскому повод для мрачного каламбура. «Топорок, сиречь малая секира, – говорил он, – обернулся великой и широкой секирой, которой посечены были благородные и славные мужи по всей Великой Руси».

Советы «править с грозой» пали на подготовленную почву, но царь не мог следовать им, оставаясь на позициях традиционного политического порядка. В этом и заключалась конечная причина его охлаждения к преобразовательным затеям.

Дворянские публицисты и практически все без исключения дельцы рисовали перед Грозным заманчивую перспективу укрепления единодержавия и могущества царской власти, искоренения остатков боярского правления. Но их обещания оказались невыполненными. На исходе десятилетия реформ Иван пришел к выводу, что царская власть из-за ограничений со стороны советников и бояр вовсе утратила самодержавный характер. Сильвестр и Адашев, жаловался Грозный, «сами государилися, как хотели, а с меня есте государство сняли: словом яз был государь, а делом ничего не владел».

В своих политических оценках Иван следовал несложным правилам. Только те начинания считались хорошими, которые укрепляли единодержавную власть. Конечные результаты политики правительства реформ не соответствовали этим критериям.

Царь кончил тем, что отрекся от реформ, над осуществлением которых он трудился вместе с Адашевым в течение многих лет. Разрыв с советниками стал неизбежным, когда к внутривластным расхождениям добавились разногласия в сфере внешних дел.

ВОЙНА ЗА ЛИВОНИЮ

После покорения Казани Россия обратила свои взоры на Запад. Она испробовала силу оружия в короткой войне со шведами (1554-1557) и под влиянием первого успеха выдвинула планы покорения Ливонии и утверждения в Прибалтике.

Ливонское государство переживало трудное время. Его раздирали национальные и социальные противоречия. Князья церкви и немецкое рыцарство, постоянно пополнявшееся выходцами из Германии, господствовали над коренным населением – латышами и эстонцами.

Ливонской конфедерации недоставало политической централизации: ее члены – орден, епископства, города – постоянно враждовали между собой. Реформация усилила разобщенность. Орден и епископства остались в лоне католической церкви, но лишились прежнего авторитета. Религией дворян и бюргеров стало протестантство.

Ливонская война превратила Восточную Прибалтику в арену борьбы между государствами, добивавшимися господства на Балтийском море: Литвой и Польшей, Швецией, Данией и Россией. Россия преследовала в войне свои особые цели.

Богатые ливонские города издавна выступали в роли торговых посредников между Россией и Западом. Орден и немецкое купечество препятствовали росту русской торговли. Между тем потребности экономического развития диктовали России необходимость установления широких хозяйственных связей со странами Западной Европы.

Со времени появления англичан на Белом море в 1553 г. Россия завязала регулярные торговые сношения с Англией. Перед самой Ливонской войной московское правительство позволило англичанам устроить «пристанище корабельное» на Белом море и разрешило им «торг по всему государству по-волной». Но суровые естественные условия стесняли развитие торговли на Белом море. Гораздо больше для торговли подходило Балтийское море. Накануне Ливонской войны Россия владела обширным участком побережья Финского залива, всем течением реки Невы, по которой проходил древний торговый путь «из варяг в греки». Русским принадлежал также правый берег реки Наровы, в устье которой заходили корабли многих европейских стран. Едва закончив войну со шведами, правительство решило основать морской порт в устье Наровы. В июле 1557 г. дьяк Иван Выродков построил на Нарове «город для бусного (корабельного) приходу заморским людям», первый русский порт на Балтийском море. Царь воспретил новгородским и псковским купцам торговать в ливонских городах Нарве и Ревеле. Отныне они должны были ждать «немцев» в своей земле. Но попытка наладить морскую торговлю с Западом через устье Наровы не дала результатов. Корабельное «пристанище» на Нарове было готово, а иноземные купцы продолжали плавать в немецкую Нарву.

Под давлением России ливонцы еще в 1554 г. обязались платить царю «юрьевскую дань» – деньги за владение древним городом Юрьевом (Дерптом). В XV в. эту дань ливонцы платили Пскову. Договоры Москвы с Дерптом XVI в. традиционно упоминали о «юрьевской дани», но фактически о ней давно забыли.

По соглашению 1554 г. первые выплаты должны были поступить в царскую казну в 1557 г., но обязательство не было выполнено Орденом. В 1558 г. русские войска прошли через Ливонию огнем и мечом от Пскова до Ивангорода, разорив окрестности Дерпта.

Военные действия в Ливонии приобрели серьезный оборот после того, как в Ивангород прибыли воеводы Алексей Басманов и Данила Адашев. Две крепости – немецкая Нарва и русский Ивангород – находились на противоположных берегах Наровы, друг против друга, на расстоянии пушечного выстрела. По временам тут вспыхивали перестрелки. Одна из таких перестрелок завершилась пожаром в Нарве.

Улучив момент, царские воеводы переправили войска через реку и предприняли штурм. Силы, которыми располагал воевода, были ничтожны, но ливонцы не устояли перед внезап-

ным и стремительным натиском. Непрístupная крепость, основанная рыцарями на древнем новгородском рубеже, пала. В Псков был направлен воевода князь Петр Шуйский с войском. Вторгшись в Ливонию, русские в течение одной кампании заняли Дерпт и 15 других замков и городков.

В письме к Курбскому Иван IV сетовал на то, что с первых дней войны «с гермоны» советники досаждали ему порицаниями и укорами: «Какова отягчения словесная пострадах, их же несть подробну глаголати». Можно ли на основании этого заключить, что Адашев и его окружение были противниками Ливонской войны? Едва ли это так.

На что жаловался самодержец? Царь, по его собственным словам, отправил к воеводе князю Петру Шуйскому семерых гонцов, прежде чем тот предпринял наступление.

Слова царя если и заключали преувеличение, то небольшое.

В Ливонии было множество каменных замков, имевших превосходные укрепления и в избытке снабженных артиллерией. В таких условиях царские воеводы действовали с большой осторожностью. Оставаясь в Пскове, Шуйский посылал «в немцы» небольшие отряды. Кампания началась с того, что Андрей Шеин и Данила Адашев разбили войско дерптского епископа. Лишь после этого воевода Василий Серебряный осадил Дерпт и принудил город к сдаче.

Два обстоятельства вызывали особое раздражение Грозного. Во-первых, ему приходилось много раз повторять свои распоряжения. Во-вторых, воеводы использовали для наступления небольшие силы.

Препирательства («претыкания») обнаружили тот неприятный для самодержца факт, что бояре не признают его авторитет в военных вопросах. В их неповиновении царь усматривал главную причину того, что русские войска не достигли решающих успехов в Прибалтике. «И аще бы не ваша злобесная претыкания, – писал царь Курбскому, – из Божиею помощью уже бы вся Германия была за православием».

Иван достиг тридцати лет. После победы над Казанью он поверил в свой военный талант. Лесть придворных укрепила его веру. Самодержец проявлял нетерпение. Он торопил воевод с завоеванием владений Ордена. Но Боярская дума возражала против посылки в Прибалтику главных сил русской армии. На то были свои причины. Накануне Ливонской войны Россия потерпела крупное поражение в войне с кочевниками. В 1555 г. крымский хан разгромил войско Ивана Большого Шереметева в трехдневном сражении у Судбищ близ Мценска.

Москва недооценивала опасность войны на два фронта – на юге и в Прибалтике.

Иначе невозможно объяснить тот факт, что уже после начала военных действий в Ливонии в 1558 г. царь распорядился арестовать крымских послов, что вело к разрыву мирных отношений.

Адашев и дума не были противниками войны в Ливонии. Брат правителя Данила участвовал почти во всех военных операциях в Прибалтике и получил за это титул окольничего. Но правитель и Ближняя дума надеялись избежать крупномасштабной войны в Прибалтике.

В глазах опытных политиков главную угрозу для России представляли степные кочевники. Многовековой опыт подтверждал такую оценку. Спор из-за Казани не был решен окончательно. Казанские татары просили единоверцев в Крыму о помощи. За спиной Крыма стояла могущественная Османская империя. В России не забыли о крымском нападении на Москву в 1521 г., когда Василий III обязался возобновить выплату дани Орде.

Обе стороны готовились к решающему столкновению. Планы военного разгрома Крыма вступили в фазу практического осуществления. Подобно Дмитрию Донскому, Иван должен был отправиться в степи и разгромить Орду в большом сражении. В 1559 г. слуга и боярин князь Михаил Воротынский получил приказ идти из пограничной крепости Деделова на поле «мест смотрити, где государю и великому князю полком стояти».

По свидетельству Курбского, мудрые советники настаивали на том, чтобы царь сам возглавил поход на Крым: «...стужали, да подвигнется сам, с своею главою, со великими воиски на Перекопского».

В преддверии крымского похода Адашев и Висковатый провели мирные переговоры с Орденом, используя посредничество Дании. Россия предоставила магистру Ордена перемирие на полгода. Характерны сроки перемирия – с мая по ноябрь. Именно на эти месяцы приходились опустошительные татарские набеги. Готовясь к решительному столкновению на южной границе, русское правительство должно было заключить перемирие на западных рубежах.

В конечном счете ожидаемое вторжение не состоялось. Хан Девлет-Гирей с Ордой вышел к русской границе в районе Верхнего Дона и Мечи. Тут он узнал, что царь с войском отложил поход в Ливонию и находится в Москве. Крымцы повоевали в пограничных уездах и отступили в степи.

Иван IV требовал окончательного разгрома Ливонского ордена. Его советники считали, что сопротивление ливонцев сломлено и для завершения войны достаточно будет дипломатических мер. До истечения перемирия магистру надлежало явиться в Москву «да за свои вины добити челом на всем том, как их государь пожалует». Но Москва так и не дождалась магистра.

Значение разногласий по внешнеполитическим вопросам не следует преувеличивать.

Они тревожили Грозного не сами по себе. Царя не удовлетворяла прежде всего та роль в военном руководстве, которую отвела ему дума. Советники прельщали самодержца славой покорителя Крыма, защитника православия от басурман. Но на южных границах никаких сражений не произошло. Крымская кампания принесла лавры одному Даниле Адашеву, возглавившему морскую экспедицию к крымским берегам.

Война в Прибалтике, блистательно начавшаяся, грозила обернуться дипломатическим и военным поражением. Магистр Кетлер отверг московский ультиматум и подписал договор с литовцами. Орден перешел под протекторат короля Сигизмунда II. Договор круто изменил ход войны. Конфликт с Ливонией стал стремительно перерастать в войну с Литвой и Польшей в тот момент, когда Россия ввязалась в войну с Крымским ханством.

Рыцари использовали перемирие, предоставленное им Москвой, для сбора военных сил. За месяц до истечения срока перемирия орденские отряды появились в окрестностях Юрьева и нанесли поражение русским отрядам, находившимся там.

Воеводы потеряли более 1000 человек убитыми. Царь намеревался без промедления ехать в Ливонию, чтобы исправить положение.

Бояре отговорили его. Выбор Грозного пал на Курбского. Беседуя с ним, Иван сказал: «Принужден бых... або сам итти сопотив Лафлянтов, або тебя, любимого моего (Курбского), послати, да охрабрится паки воинство мое».

Вслед за Курбским в Ливонию двинулся воевода Мстиславский. На дворе была осенняя распутица, и царская рать застряла в грязи на столбовой дороге из Москвы в Новгород. В это время стало известно о появлении татар на южной границе.

Военные осложнения вызвали растерянность в Боярской думе. Царю сообщили о военных неудачах в то время, когда он был на богомолье в Можайске, куда он выехал по случаю болезни жены. Адашев и Сильвестр настаивали на срочном возвращении царя в Москву. Иван рискнул отправиться в путь вместе с тяжелобольной царицей. После утомительного переезда царская семья прибыла в столицу, но оказалось, что особых причин для спешки не было: гарнизон Юрьева отбил нападение ливонцев, татары отступили в степи.

При таких обстоятельствах произошло резкое объяснение между царем Иваном и его наставниками.

Размолвка с ближайшими советниками грозила перерасти в столкновение с думой. В 1559 г. царь отправил князя Дмитрия Курлятева на воеводство в Юрьев Ливонский.

Князь был одним из самых влиятельных членов Ближней думы, и его назначение было равносильно почетной ссылке. (Позже подобное же назначение получил Курбский.) Курлятева удалили из столицы на год. Сильвестр не смог оградить его от царского гнева.

Еще более важное значение имела другая отставка. Едва ли не лучшим полководцем XVI в. был князь Александр Горбатый-Суздальский. Ливонская война вступила в затяжной период. Россия как никогда нуждалась в выдающихся военачальниках. Но Горбатый получил последнее воеводское назначение летом 1559 г., после чего не получал новых воеводских постов.

Горбатый был отставлен от руководства военными делами. Царь осуществил свое давнее намерение. В Ливонию были впервые двинуты очень крупные силы, отозванные с южных границ. По свидетельству Курбского, в Дерпт прибыли 30 000 конных и 10 000 пеших воинов.

Грозный придавал кампании особое значение, поэтому вслед за Курбским в действующую армию выехал Алексей Адашев.

Царские воеводы наголову разгромили отборное рыцарское войско под Эрмесом и заняли резиденцию магистра – замок Феллин. Победителям досталась почти вся артиллерия Ордена. После неудачной осады небольшого замка Пайды (Вейсенштейна) наступление русских войск приостановилось. Отказ от решительных действий связан был с тем, что воеводы опасались удара со стороны находившихся под Ригой литовских войск. Правитель стремился избежать войны с Польско-Литовским государством.

ОТСТАВКА АДАШЕВА

Адашев был, без сомнения, одной из самых ярких фигур среди государственных деятелей России XVI в. Некоторые современники считали его подлинным правителем государства. Адашев любил справедливость, сурово карал приказных, повинных во взяточничестве, не терпел боярской волокиты в судах. Осведомленный столичный летописец писал об Адашеве: «А как он был во времяни, и в те поры Руская земля была в великой тишине и во благоденстве и управе... кой боярин челобитной волочит, и тому боярину не пробудет без кручины от государя, а кому молвит хомутовкою (упрекнет за плутни), тот болши того не бей челом, то бысль в тюрьме или сослану».

Курбский видел в Адашеве мученика, пострадавшего от тирании царя Ивана. В соответствии с этой установкой он составил его биографию – благочестивое житие нового мученика. Боярское свидетельство пристрастно. Но его невозможно отбросить, так как оно находит подтверждение в источнике независимого происхождения – столичной летописи. «А житие его было, – писал об Адашеве современник, – всегда пост и молитва безпрестани, по одной прошивке ел на день».

В некоторых нравах, отметил Курбский, Адашев отчасти походил на ангела.

Ангелоподобность костромского дворянина заключалась в его благочестии, преданности букве и духу православия. В умерщвлении плоти первый сановник государства старался превзойти монахов. Его дом всегда был полон каликами переходящими и юродивыми. Не довольствуясь щедрой раздачей милостыни, Адашев завел богадельню. В ней он приютил много десятков больных («прокаженных»), «тайне питающе, обмывающа их, многажды же сам руками своими гной их отирающа». Уход за страдальцами требовал времени и сил.

Самой примечательной фигурой среди приживалок в доме правителя была некая полька Мария, носившая, как видно, не без основания прозвище Магдалыня. Она была обращена Адашевым из католичества в православие. Своим благочестием она старалась сравняться с покровителем. Эта «великая и превосходная посница многажды в год единова в седмицу вкушаючи» (питалась раз в неделю), а на теле носила «вериги тяжкие железные».

Адашева отличала склонность к компромиссам. Ему недоставало решимости идти напролом, проводить крутую ломку отжившего. На его политические воззрения оказали влияние сочинения дворянских публицистов. Но в своей практической деятельности он не мог следовать их радикальным программам.

Военные действия в Прибалтике приобрели широкий размах. В ходе кампании наметился перелом. Не было ничего удивительного в том, что Грозный направил Адашева в Ливонию. Само по себе это назначение не было знаком царской немилости.

Монарх привык посылать любимца туда, где назревали решающие события.

Правитель наконец-то смог воспользоваться плодами реформы местничества, проведенной им самим. В последнем ливонском походе он был назначен третьим воеводой большого полка князя Ивана Мстиславского. Пост помощника главнокомандующего был самым высоким из всех постов, которые когда-нибудь занимал любимец царя.

Мстиславский не отличался сильным характером и не имел за спиной военных побед.

Направляя в Прибалтику Адашева, царь, надо полагать, предписал ему действовать без промедления и решительно. Правитель не смог выполнить наказ государя и должен был заплатить за это. 30 августа 1560 г. Мстиславский и Адашев донесли царю о взятии замка Феллин и назначении в эту крепость воеводы Очина Плещеева. В ответ Иван IV приказал сменить воевод и послать в Феллин братьев окольничих Алексея и Данилу Адашевых.

Замок был как бы на острие русского копья, направленного в глубь Ливонии. И на этот раз правитель был послан в самую опасную точку. Но главным было не это.

Адашев был смещен с поста помощника главнокомандующего, что явилось знаком прямой царской немилости.

Иван IV был последователен в своих действиях. Сразу после назначения Адашева в Феллин он велел отобрать у временщика все его земли в Костромском уезде – село Борисоглебское со слободой и селцом, с 55 деревнями. К 9 октября 1560 г. Поместный приказ выписал грамоту на эти земли боярину Ивану Меньшому Шереметеву, ближайшей родне Романовых-Захарьиных.

Грозный не желал уничтожить преданного советника. Он наделил опального обширным поместьем в Новгороде. По площади новгородские владения в три раза превосходили утраченные костромские. Но северные земли с их болотами и мхами уступали костромским. К тому же новые владения были государственными и могли быть в любой момент отобраны в казну. На некоторое время Адашев стал самым крупным из новгородских помещиков.

В 1550 г. в тысячу лучших слуг вошли дворяне как Московской, так и Новгородской земель. Однако в Дворовой тетради 1552 г. с полным списком московского Государева двора новгородцы отсутствовали. Разделение было связано с тем, что из-за бездорожья поездки новгородцев ко двору в Москву были непосильны для новгородских детей боярских. Удовлетворив требование новгородцев, власти отказались от посылки новгородских отрядов на восточные окраины и возложили на них обязанность вести военные действия в Прибалтике.

Пожалование Адашеву новгородского поместья свидетельствовало, что отныне он должен был сосредоточить всю свою деятельность на том, чтобы довести до победного конца войну за Ливонию.

Адашев недаром стремился ограничить местнические порядки. Они в конечном счете и погубили его карьеру. В Феллин Алексей прибыл не один, а вместе со вторым воеводой Осипом Полевым, своим земляком. В дворовом списке по Костроме Полевы были записаны выше Адашевых. Воспользовавшись этим обстоятельством, Осип затеял местнический спор с Адашевыми и выиграл его.

Вслед за тем Адашева перевели в Юрьев Ливонский под начальство боярина князя Дмитрия Хилкова. Судя по летописи, Хилков якобы отказался исполнить приказ государя о назначении Алексея «нарядчиком» (что именно должен был «наряжать» окольный, неясно). Адашев просил о служебном назначении многожды, а боярин каждый раз отказывал ему, может быть, в ожидании инструкций из Москвы.

Сильвестр, остававшийся в Москве после отъезда Адашева в Ливонию, предпринимал отчаянные попытки предотвратить его отставку. Но успеха не добился. Тогда он объявил царю, что намерен уйти на покой в монастырь. Иван не стал удерживать своего старого наставника и, благословив, отпустил в Кириллов монастырь.

Царь не стал мстить родне священника. Государев дьяк Анфим, сын Сильвестра, был переведен из Москвы в пограничную крепость Смоленск, где и продолжал служить по крайней мере четыре года.

Сам Сильвестр имел возможность увезти с собой в Кириллов свою библиотеку, а также имущество и казну. В неизвестное время он отправил в Соловецкий монастырь шестьдесят шесть своих книг и более двухсот рублей денег. Сумма по тем временам была очень большой. Такую же сумму царь пожертвовал в Кириллов на устройство своей кельи. Сильвестр прожил в монастыре немало лет, не подвергаясь гонениям.

Противники Сильвестра и Адашева старались убедить царя в том, что ему пора избавиться от опеки со стороны наставников и править самодержавно, по своей воле. Они старались пробудить самолюбие государя, говоря, что бывший правитель пользуется большей популярностью в народе и среди дворян, чем сам монарх. «А к тому любяще их (Сильвестра и Адашева) все твое воинство и народ, нежели тебя самого».

Наставники государя давно враждовали с Захарьиными и старались ограничить влияние царицы Анастасии при дворе. В начале августа 1560 г. Анастасия умерла, и ее братья постарались убедить всех, будто ее «счаровали» (околдовали) враги.

Захарьины указывали на Адашева. Это свидетельство Курбского находит прямое и недвусмысленное подтверждение в письмах Грозного. «А и з женою, – писал Иван IV, – вы меня про что разлучили? Только бы вы у меня не отняли юницы моея, ино бы Кроновы жертвы не было».

Подозрение в колдовстве пало на приживалку Алексея Марию Магдалыню. Позднее она была казнена вместе с пятью сыновьями как «черовница и Алексеева согласница».

Адашев был думным человеком и правителем. Лишить его думного чина и вотчин можно было только с помощью боярского суда. Нет ничего невероятного в сообщении Курбского о том, что отставка Адашева обсуждалась в Боярской думе в присутствии митрополита и высшего духовенства. Митрополит Макарий просил допустить Адашева в столицу, с тем чтобы решить вопрос о его судьбе в присутствии обвиняемого. Но Макарию возражали архимандрит митрополичьего Чудова монастыря Левкий, старец Мисаил Сукин, монах Васьян Бесный. Опираясь на их поддержку, Захарьины и их приспешники настояли на заочном разбирательстве. Адашев просил царя дать ему правый суд. Но его послания были перехвачены Захарьиными.

Обвинительный акт с перечнем провинностей правителя, одобренный самодержцем, был оглашен в думе, что решило исход дела. О последних днях Адашева нет достоверных данных. Одна из летописей сохранила глухое известие, будто в Юрьев прибыл специальный гонец с царским повелением убить бывшего правителя. Гонец действительно был прислан, но для того, чтобы узнать причину смерти Алексея.

Курбский утверждал, что в Юрьеве Адашев два месяца содержался «под стражею».

Если так оно и было, то непонятно, почему у опального не отобрали в казну его огромное поместье? Более того, вдова Алексея Адашева оставалась владелицей мужнина поместья еще 12 лет. Факт беспрецедентный. Не подтверждает ли он, что жена Алексея действительно была родственницей царицы? Если бы не заступничество влиятельных лиц, вдове выделили бы в лучшем случае небольшое поместье на прожиток.

Адашев не выдержал свалившихся на его голову бед и «в недуг огненный впал». Он умер от нервной горячки. Его недруги в Москве тотчас стали распространять слухи о том, что он отравился. Встревоженный монарх прислал в Юрьев ближнего дворянина князя Андрея Телятевского. Посланец произвел дознание о причинах гибели Адашева и составил отчет. Этот документ хранился в царском архиве: «Обыск князя Ондreja Петровича Телятевского в Юрьеве Ливонском про Олексееву смерть Адашева». Царя тревожила людская молва, приписавшая ему смерть недавнего любимца.

Падение правителя непосредственно не повлекло за собой крупных политических потрясений. Думного чина лишился брат Алексея Адашева Данила. От службы был отставлен Игнатий Вешняков. Многочисленные соратники временщика, а равно и его ставленники, избежали преследований, но должны были заново присягнуть на верность государю и его детям.

Расставшись с наставниками, царь постарался искоренить самую память о них. Что считалось при Сильвестре хорошим тоном, подверглось теперь осмеянию. На смену унылому постыничеству пришли роскошные пиры и потехи. Царь приглашал во дворец своих тайных недоброжелателей-бояр и принуждал их пить «чаши великие». В потешной компании царя заведен был такой порядок. Первую чашу, полную «зело пьяного пития», выпивал сам Иван, такие же чаши подносили остальным пирующим, пока все не упивались до неистовства и «обоумертвия». Если кто-нибудь из гостей упирался и отказывался осушить кубок, его корили тем, что он «недоброхотен» царю, что из него еще не вышли «дух и обычай» Сильвестра и Адашева.

Попойки во дворце коробили ревнителей благочестия. Царь признавал свое «неблагочиние», но утверждал, что происшедшие при дворе перемены отвечают высшим интересам госу-

дарства. Играми и потехами, говаривал Иван, он хотел добиться популярности среди народа и дворян, «сходя к немощи их, точию дабы нас, своих государей, познали, а не вас (бояр) изменников!» Иван старался укрепить свой престиж любыми средствами. В этом ему немало помогло духовенство. Через полтора десятилетия после царской коронации послы константинопольского патриарха привезли в Москву решение Вселенского собора, подтвердившее право москвитя на царский титул. Глава Вселенской Православной Церкви освятил своим авторитетом власть православного московского царя. Затеянные по этому поводу пышные богослужения призваны были упрочить власть Грозного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.